

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

СМЕРТЬ
ПОД СТАРОЙ ИВОЙ

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Смерть под старой ивой
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730760
Смерть под старой ивой: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-169852-2

Аннотация

В глухой деревне убит заезжий бродяга. Кто и за что лишил его жизни, полиции выяснить не удалось. Дело можно было принять за обычную бытовуху, если бы не подозрение, что в нем замешано уважаемое семейство местного депутата. Выяснить это поручено полковникам МВД Гурову и Крячко. Чтобы вычислить злоумышленника, оперативники разрабатывают хитроумный план: Гуров представляется местному населению сыщиком, а Крячко – столичным бизнесменом, собирающимся купить в этих краях дом. Уловка сработала как раз в тот момент, когда в деревне произошло новое страшное преступление...

Содержание

Смерть под старой ивой	6
1	6
2	14
3	20
4	27
5	36
6	40
7	44
8	47
9	53
10	58
11	63
12	71
13	78
14	90
15	102
16	108
17	116
18	126
19	133
20	139
21	144
22	151

Конец ознакомительного фрагмента.

Николай Леонов

Смерть под старой ивой

© Макеев А.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Смерть под старой ивой

1

Деревня Антонова Балка ничем не отличалась от других деревень, затерянных в бескрайней российской глубинке. Деревня как деревня: полторы сотни дворов, чуть больше тысячи постоянно проживающего населения, у которого огороды, сенокосы, скотина и прочие исконные деревенские интересы и заботы. И, конечно же, в Антоновой Балке свои особенные деревенские взаимоотношения и законы. Они неписанные, но соблюдаются добросовестно, старательно, из века в век, и тому имеются веские причины. Если, допустим, ты сегодня не поможешь мне с сенокосом, то завтра я не помогу тебе с огородом. А если, скажем, я сегодня в чем-то тебе совру, то завтра ты перестанешь со мной общаться, потому что не стоит иметь никаких дел со лжецом. Ну а если никто не будет друг другу помогать и все друг другу станут лгать, то в деревне поселится взаимное недоверие. И как тогда выживать в непростой деревенской жизни – без помощи и доверия? Потому-то в Антоновой Балке почти не было краж – ведь разве можно украсть у того, кому ты веришь, а он верит тебе? А уж о прочих изуверствах и злодействах вроде убийств так никто и слыхом не слыхал. Деревня жила

по своим законам и судила по своим законам, и эти законы, надо сказать, были разумнее и человечнее, чем Уголовный кодекс.

Конечно, не все в Антоновой Балке подчинялись охотно и по доброй воле таким законам. Обитали здесь и свои собственные, деревенские смутьяны, правонарушители и прочие, так сказать, маргиналы. Но пребывали они где-то на обочине деревенской жизни и никому особо не мешали. А потому исконные жители деревни не обращали на них особого внимания и вообще относились к их существованию философски. Живут, дескать, вот пускай и живут, как хотят, лишь бы другим не мешали жить.

Точно так же, кстати говоря, селяне относились и еще к одной категории деревенских обитателей – дачникам. Живут себе, и бог с ними: у них своя жизнь, а у селян – своя.

Надо сказать, что Антонова Балка располагалась в удивительно красивой местности. Тут тебе и речка с кряжистыми, старыми ивами по берегам, и заливные луга на другом берегу речки, и лесок с грибочками и ягодками в нем. А какой воздух, а какая тишина! Благодать земная! А если к тому же учесть, что деревня располагалась неподалеку, всего в двадцати километрах от районного центра, то понятно, что городские богатые люди просто жаждали построить в таком благолепии себе дачу! И – строили. С каждым годом таких дач в Антоновой Балке становилось все больше. Но обитатели дач никак не нарушали устоявшегося размеренного ритма

селян и даже приносили им некоторую выгоду. Они покупали у местных жителей молоко, огурцы, помидоры и другую деревенскую продукцию.

И вот в такой-то размеренной и всем понятной жизни случилось страшное происшествие! Убийство! Убили-то, как выяснилось потом, не деревенского, а какого-то постороннего мужичка, которого никто в деревне никогда и не видел. То есть пришлый был мужичок, чужой. Но кому от этого легче, если в Антоновой Балке никто никого не убивал отродясь! Ни своих, ни чужих! А тут нате вам, самое настоящее убийство!

Первой обнаружила убитого деревенская жительница баба Люба. Случилось это ранним утром в четверг. На дворе стоял июль, лето в самом разгаре, и денек обещал быть расчудесным. Баба Люба шла по берегу речки вдоль старых ив и вела на веревочке козу, чтобы выбрать для нее подходящее место для выпаса. И вдруг увидела лежащего под старой ивой мужчину. Причем бабе Любе показалось, что он не деревенский. Деревенских мужиков она могла бы узнать издалека и с полувзгляда, а в этом было что-то чужое.

Вначале баба Люба подумала, что человек спит. Ну а что тут такого? Июль, погода стояла самая что ни есть летняя. Так почему бы мужчине не поспать под ивой? Так подумала вначале баба Люба, но тут же и передумала. Во-первых, было раннее утро, а потому довольно-таки прохладно и росисто: прохлада и роса давно уже разбудили бы человека. А он

почему-то не просыпался. И к тому же уж очень в неудобной позе лежал незнакомый человек: нога – подвернута под себя, рука – закинута за голову. Этак скоро онемеет и рука, и нога, а человек даже не шевелился.

Тогда баба Люба подумала, что этот незнакомый мужчина пьян. С пьяных-то что возьмешь? Уж они-то могут лежать как угодно, в самых странных позах. Но мужик-то совсем не шевелился, и казалось, даже не дышал!

– Эй! – несмело позвала баба Люба. – Эй! Подымайся! Ведь прохладно! Застудишься еще!

Но мужчина даже не шевельнулся. Преодолевая страх, баба Люба подошла поближе – и тут же в страхе отпрянула. Она поняла, что человек – мертвый. Да-да! Уж она-то навидалась мертвецов за всю свою долгую жизнь и знала, как отличить мертвого от живого.

Вокруг головы мужчины расплылось темно-бурое пятно. Ясно, что это кровь, а значит, у человека разбита голова. А поскольку сами себе люди разбивают головы редко (да и обо что тут было ее разбить – о старую иву, что ли?), то вывод напрашивался сам собою: незнакомца убили! Убили самым настоящим образом!

Не помня себя от страха, баба Люба вместе с козой на веревочке с невероятной для старухи резвостью помчалась обратно в деревню и вскоре была у дома сельского главы Николая Ивановича, которого застала дома, ибо он в связи с ранним часом не успел еще выйти из хаты и тем более добраться

до деревенской конторы – своего рабочего места.

– Ой, убили! – заголосила баба Люба. – Как есть убили... то есть совсем! Там он и лежит... а голова у него – совсем разбитая! Кровищи... Главное, я ему говорю: вставай, а то, не ровен час, простудишься, а он лежит и не шевелится! И кровища вокруг его головы... Ой, убили! Да это что же такое творится!

На заполошные вопли бабы Любы из дома тотчас выскочили сам Николай Иванович, его жена Наталья, двое их малолетних детей и даже кошка.

– Ты это чего? – спросил Николай Иванович у бабы Любы. – Чего, спрашиваю, голосишь? Что случилось?

– Ой, убили! – дала баба Люба исчерпывающий ответ. – Как есть убили... насовсем! Главное – лежит и не шевелится... И вроде как кровища вокруг головы... Густая такая, черная...

– Кого убили? – вытаращился на бабу Любу Николай Иванович. – Где убили? Говори толком!

Но толком баба Люба говорить не могла – уж слишком большое впечатление произвела на нее увиденная картина. Пришлось взяться за дело Наталье, жене Николая Ивановича. Она напоила бабу Любу водой, присела с нею рядом, хлопала по плечу... И только тогда баба Люба обрела способность изъясняться более-менее внятно и поведала Николаю Ивановичу об увиденной ею ужасной картине.

– Да врешь ты все! – не поверил бабе Любе Николай Ива-

нович. – Какое такое убийство? Чтобы у нас в деревне да кто-то кого-то убил?.. Зачем? Не верю... Просто лежит небось под ивой пьяный... А тебе померещилось...

Баба Люба уже пришла в себя настолько, что даже смогла обидеться на Николая Ивановича за такие его слова.

– А ты сходи да посмотри сам! – надулась она. – И тогда поймешь, вру я или нет. Я, милоч, навидалась на своем веку всяких – и живых, и покойных. И одного от другого отличить могу. Так вот ты сходи и посмотри – пьяный он или мертвый. На то ты и начальство. А потом будешь просить у меня прощения за твое ко мне недоверие. Ну, иди, чего встал как столб!

– Да где же он лежит конкретно, этот твой покойник? – по-прежнему недоверчиво спросил Николай Иванович.

Баба Люба назвала точные координаты, и сельский глава нехотя поплелся к предполагаемому месту. А баба Люба тем временем побежала по деревне, чтобы сообщить народу сногсшибательную новость – у них в деревне покойник, да и не просто покойник, а кем-то убитый. А это значит, что в Антоновой Балке также обретается и самый настоящий убийца. Иначе откуда бы ему взяться, душегубу-то? Не с неба же он свалился и не из-под земли образовался! Стало быть, свой, антоновский. Вот ведь до чего дожили – свои собственные душегубы в деревне объявились! Баба Люба бежала вдоль по улице от двора ко двору, а несчастная голодная коза волочилась вслед за ней на веревке.

...Покойника Николай Иванович обнаружил в точном соответствии с координатами, указанными бабой Любой. Недоверчиво и осторожно Николай Иванович приблизился к лежащему человеку, окликнул его и даже потрогал рукой. И только после этого убедился, что незнакомый мужчина и в самом деле мертв, а значит, баба Люба ничего не выдумала и ни в чем не соврала. И действительно, вокруг головы лежащего мужчины темнело большое расплывшееся пятно. Почти вся трава под старой ивой была покрыта пугающей темно-коричневой жижей. Кроме того, такой же жижей были испачканы и волосы мертвого незнакомца. Несомненно, это загустевшая кровь. Как будто чья-то вражья рука взяла и ударила незнакомца по голове каменюкой или чем-то другим, таким же тяжелым.

«Вот так дела... – озадаченно подумал Николай Иванович. – Так что же – и вправду убийство? У нас, в Антоновой Балке – и убийство?.. А главное – за что? И – кто? И – откуда в деревне взялся этот человек... ну, которого убили? Ведь он явно не наш... а уж своих-то я знаю всех наперечет! Может, он приехал из города? Может, и так: сейчас эти городские наезжают к нам ежедневно. Но опять же за что его убили? И, главное дело, кто? Что же, в Антоновой Балке завелся свой собственный убийца? Вот так дела...»

Какое-то время Николай Иванович пребывал в растерянности и даже в прострации, но затем очнулся, взял себя в руки и отправился обратно в деревню – звонить в районную

полицию.

В районной полиции поначалу тоже не поверили, что в деревне Антонова Балка случилось убийство.

– Да ну, – с сомнением сказал дежурный. – В вашем селе да убийство? Да у вас там даже домов не запирают по причине отсутствия воров, а вы мне про убийство... Напился, я так думаю, какой-нибудь ваш мужичок, да и прилег под ивой. Ничего: очнется, протрезвеет и будет как новенький!

– Нет, – возразил Николай Иванович. – Не напился и не прилег. В том-то и дело. Я сам видел. Лежит. Мертвый. И вокруг головы кровь. По всей траве и на самой голове тоже.

– Кровь, говоришь,? – озадаченно произнес дежурный. – Ну... В общем, ждите оперативную группу. А пока организуйте охрану места происшествия, чтобы никто посторонний туда не совался...

– Зачем? – не понял Николай Иванович.

– Так полагается, – дал исчерпывающий ответ дежурный и отключил связь.

2

Оперативная группа прибыла в Антонову Балку примерно через два часа. За это время стараниями бабы Любы вокруг покойника собралось почти все женское, мужское, детское и собачье население деревни. Близко к мертвому мужчине, конечно, не подходили. Во-первых, страшно: одно дело, человек, умерший своей смертью, и совсем другое – кем-то убитый. А во-вторых, близко к покойнику никого не подпускал Николай Иванович, самолично взявшийся охранять место происшествия до прибытия полиции.

Потому народ столпился вокруг мертвого мужика на некотором расстоянии и принялся строить версии: кто этот мужик, откуда он взялся в деревне, за что его убили, а главное – кто именно его убил. За два часа версий было придумано столько, что они, пожалуй, не уместились бы в двадцать восемь, а то и тридцать уголовных дел, а чтобы их расследовать и довести до необходимого соответствия, понадобилась бы целая рота сыщиков.

Но по большому счету никакие сыщики народу надобны не были, потому что каждый выстроил свою собственную версию убийства и, кроме того, определился с главным – с убийцей. Конкретное имя убийцы, впрочем, не называлось, но все сводилось к двум предположениям: либо мужика убил кто-то из своих, деревенских, либо кто-нибудь из дачников.

А больше и некому.

– Да наш это, антоновский... который убийца! – уверяли одни. – А кто еще-то! Кому здесь взяться другому? Из каких таких краев?

– Как так – из каких краев? – возражали другие. – А дачники? Они – народ пришлый, городской, незнакомый, смутный, а к тому же еще и богатый! Кто может знать, что у них на душе? С них станется! А из наших – кто же? У нас испокон веку не было душегубства! Дерутся изредка – бывает, но не до смерти же! Нет, это точно кто-нибудь из чужих... то есть из дачников!

Конечно, находились горячие и творчески мыслящие головы.

– Э, братцы, не все здесь так просто! – говорили они. – Здесь дело вот в чем. Этот убитый мужик – не сам по себе мужик, а опасный мафиози, но только переодетый в бродяжью одежду. А переоделся он для того, чтобы укрыться в Антоновой Балке от других мафиози, его конкурентов. Да вот только не сумел от них оторваться, они его настигли аккуратно на деревенской околице, ну и того...

– Ну, это ты насмотрелся телевизора! – иронично крутили головами оппоненты. – Это в телевизоре мафиози... А у нас тут – деревня... Какая тут мафия?

– Гав! Гав! Гав! – пытались вмешаться в дискуссию деревенские собаки.

Толкуя и споря, народ топтался, передвигался и суетил-

ся и за два часа до такой степени вытоптал все окрестности вокруг места происшествия, что прибывшая наконец оперативная группа только руками всплеснула, увидев такое безобразие. В самом деле, какой уж тут осмотр места происшествия? Где оно, это самое место? Все затоптано, помято, перевернуто, можно сказать, вверх дном.

– Почему здесь столько людей? – раздраженно спросила женщина в форме. А что это была за форма – полицейская или, может, прокурорская – да кто ж его разберет? Да и какая разница? Следовательно, и все тут. – Есть здесь кто-нибудь главный?

– Я, – отозвался Николай Иванович. – Я здесь главный.

– Почему столько людей? – повторила свой вопрос строгая следовательница. – Просили же – охранять место происшествия до прибытия оперативной группы.

– Я и охраняю, – сказал Николай Иванович.

– А люди? – не поняла следовательница.

– А они – сами по себе, – исчерпывающе пояснил Николай Иванович. – Смотрят. Обсуждают.

– Уберите с места происшествия посторонних, – сказала следовательница, обращаясь к местному участковому. Он прибыл вместе с опергруппой. – Работать же надо! – пояснила она почему-то жалобным тоном.

– Разойдитесь, – не очень уверенно обратился участковый к народу. – Идите по домам. Делать вам больше нечего, что ли? Спектакль вам здесь или как? Разойдитесь! Ну что за

народ...

Конечно, никто и не подумал разойтись. Во-первых, было хоть и страшно, но интересно. Не каждый же день в Антоновой Балке случаются убийства: можно сказать, это первый подобный криминальный случай в деревенской истории. А во-вторых, не тем человеком был участковый, чтобы ему сразу же и безоговорочно подчиниться. Не было у него настоящего авторитета, вот что. Участкового звали Василий Курятников, и был он молод. А у молодого какой же авторитет? Авторитет приходит с годами, его надо заслужить. Само собою, что участковый Василий Курятников знал мнение народа о себе самом, а потому не стал дважды повторять свою неуверенную просьбу разойтись, а лишь безнадежно махнул рукой. Отодвинулся народ на три или четыре шага, и на том спасибо.

Ладно. Приступили к следственным действиям в присутствии народа. Первым делом, конечно, осмотрели покойника. Серьезный дядька в белом халате склонился над убитым, осторожно ощупал его голову, что-то поднял с земли и осторожно сложил в полиэтиленовый мешочек. Другой серьезный дядя бегал вокруг с фотоаппаратом и безостановочно фотографировал покойника с разных сторон. Следовательница что-то писала в блокноте, а участковый и еще один парень в штатском о чем-то переговаривались между собой. Народ, конечно, наострил уши, но все произнесенные опергруппой слова слышать не мог, а слышал лишь обрывки раз-

говоров.

– Чужой... не наш... – говорил участковый парню в штатском. – Своих-то я знаю...

– Черепно-мозговая травма... – сказал дядька в белом халате следовательнице. – Наверно, это и есть причина... Со всем недавно... часов, наверно, десять или двенадцать назад... Судя по окоченению... Вскрытие покажет... созвонимся... Знать бы еще, чем его так?

– Орудие преступления... – сказала следовательница парню в штатском и участковому одновременно. – Надо найти...

– Будем искать... – пообещал парень в штатском.

Затем он и участковый склонились над убитым и принялись шарить по его карманам. Народ, вдобавок к ушам, навострил глаза. Но ничего интересного не увидел и, испытывая разочарование, выдохнул.

– Паспорт... – сказал парень в штатском. – Больше ничего... ни денег, ни телефона... Возраст... сорок шесть лет... Прописка... Нездешний. Из какого-то Прокопьевска... Да... Издалека... Кажется, где-то в Сибири.

– Ага! – понимающе зашелестел народ. – Нездешний! Из Сибири! Известное дело! Нашего-то кто убьет?

Подъехала «Скорая помощь». Из нее вышли два угрюмых санитаров с носилками, выслушали какие-то слова от дядьки в халате, погрузили покойника вместе с носилками в машину, сели туда же сами, вместе с ними сел и дядька в халате, и «Скорая помощь», подпрыгивая на ухабах, отбыла.

– Я тоже... – донеслись до народа слова следовательницы: эти слова, судя по всему, она говорила участковому и парню в штатском. – Орудие преступления... свидетели... подозреваемые... надо искать. А пока мне и допрашивать-то толком некого. Ищите...

Затем она и дядька с фотоаппаратом тоже сели в машину и уехали. А участковый и парень в штатском остались.

Кряхтя, кашляя и судача, народ стал нехотя расходиться. И вскоре на месте преступления не осталось никого – даже деревенских собак.

3

Участковый Василий Курятников и парень в штатском (это был оперуполномоченный районного отделения полиции, а звали его Семеном Лежаковым) сидели на куче сваленных у чьего-то забора бревен и обсуждали план действий. Надо было искать орудие преступления, находить и опрашивать свидетелей, через них устанавливать подозреваемых, фильтровать этих подозреваемых через гипотетическое сито, надеясь, что в конце концов в том сите останется он, убийца. Ну, или убийцы, если их несколько.

С орудием преступления все было более-менее ясно. Что бы это ни было – камень, обух, еще какая-нибудь железяка, – скорее всего убийца выбросил этот предмет в реку. Река-то рядом! Не нырять же оперу и участковому в реку за тем камнем! Да и чем докажешь, что найденный камень именно тот самый, которым совершено убийство? Нет уж, будем искать убийцу. А вот если мы его найдем и он сознается в преступлении, то одновременно с признанием он назовет и орудие убийства. И скажет, куда он его подевал. Тогда и будем искать. А пока займемся поиском свидетелей. Без свидетелей – как найти убийцу?

А важных свидетелей пока что не было ни одного. Баба Люба и сельский глава, которых сыщик с участковым уже успели допросить, они косвенные свидетели. Баба Люба все-

го лишь первой увидела убитого, Николай Иванович его, как мог, стерег до прибытия оперативной группы. Так что их допрос – формальность, которую необходимо соблюсти. Их и допросили, потому что так было положено.

– Значит, так, – сказал оперуполномоченный. – Будем делать подворный обход. Верное средство узнать что-то существенное! Обязательно кто-то найдется, кто что-нибудь видел или слышал или о чем-то важном догадывается. А коль найдется, то и расскажет. А там будет видно.

– Ну да, – с сомнением произнес участковый. – Расскажут они, как же... Будут молчать, как партизаны на допросе.

– А что такое? – прищурился сыщик. – Нет психологического контакта с местным населением?

– А! – махнул рукой Василий Курятников и поднялся с бревен. – Пошли, что ли. Куда прикажешь идти?

– А иди ты знаешь куда? – задумчиво произнес оперуполномоченный. – Вдоль по улице. Заходи в каждый дом, задавай вопросы... Налаживай, короче говоря, контакты. А я тем временем нанесу визит вон в те милые коттеджи, что вдалеке. Это, как я понимаю, дачи?

– Они самые, – нехотя подтвердил участковый. – А в дачах – дачники...

– Приезжие из города? – полувопросительно-полуутвердительно произнес сыщик. – Богатенькие буратины... Конечно, богатенькие – вон какие хоромы! Издалека видно. А в них, значит, дачники. Хозяева жизни, так сказать... Что ж,

пойду кланяться этим хозяевам. Не видели ли вы, ваши сительства, того-то и того-то? Или, может, вы чего-то слышали?.. Ну, начали. А через три часа встречаемся на этих самых бревнах и подводим первые итоги. Если, конечно, будет что подводить.

Через три часа они встретились. Первым пришел сыщик. Он уселся на бревна и посмотрел на солнце. Оно уже миновало зенит и стремительно катилось к закату. Надвигался вечер. Сыщик вздохнул, он выглядел расстроенным и мрачным.

Вскоре к месту встречи прибыл и участковый Василий Курятников. Он также выглядел не слишком радостным. Участковый уселся рядом с сыщиком, и какое-то время они молчали, будто и не замечая друг друга.

– Ну? – наконец сказал сыщик, и в его усталом голосе ощущалось ехидство. – Я так чувствую, что у тебя – куча свидетельских показаний. В двадцать протоколов не уместить! И как только стемнеет, мы пойдем его брать.

– Кого это? – невесело усмехнулся участковый.

– Убийцу, разумеется! Кого же еще! Ну, говори, не томи душу. Что, кто, как, чем?

В ответ участковый развел руками, сердито зашвырнул куда-то вдаль подвернувшуюся под руку щепку и лишь затем произнес:

– Хоть бы одна собака сказала что-нибудь путное! Никто ничего не видел, никто ничего не слышал, никто ничего не

знает... А ведь видели и слышали, точно тебе говорю! Но молчат! Вот такой здесь злоупорный народ, в этой Антоновой Балке! Хоть ты их веди на расстрел, все равно будут молчать! – Участковый от избытка чувств крепко выругался, помолчал, зашвырнул вдаль еще одну щепку, а затем спросил: – Ну а у тебя есть что-нибудь путное?

– Да, в общем, то же самое, что и у тебя, – нехотя ответил сыщик. – Во-первых, в дачном поселке почти никого нет...

– Ну да, – перебил участковый. – В основном они съезжаются по выходным или праздникам. На то она и дача...

– А во-вторых, – продолжил оперуполномоченный. – Во-вторых... Набрел я там на одно семейство. Ну, так эти люди меня даже в калитку не пустили. Сказали, что дачный участок – их частная территория, а раз так, то делать мне у них нечего. И ни на какие мои вопросы они отвечать не желают. Даже если бы я был министром внутренних дел, а не старшим лейтенантом полиции. Так прямо и сказали.

– А кто сказал-то?

– Не знаю. Какой-то молодой человек. – Сыщик помолчал и зло произнес: – Сучонок.

– А, – равнодушно произнес участковый. – Это Евгений. Их сынок.

– Чей сынок? – так же равнодушно спросил оперуполномоченный.

– Воронова. Вороновы там обитают, на этой даче. Фамилия у них такая...

– Что ж он там торчит, на этой даче, в разгар трудового дня?

– Отдыхает, должно быть, от трудов праведных, – кисло усмехнулся участковый.

– И кем же он трудится, что так устал?

– Вестимо, преуспевающим предпринимателем! – Похоже, участковый начинал заводиться. – У него в районном центре – выгодный строительный подряд. Вся стройка – его! Как же тут не устанешь?

– Понятно, – без всякого участия сказал сыщик, помолчал и спросил: – Так это что же, его дача?

– Нет. Дача – его папаша. Но, как ты, наверное, заметил, места там хватает всем. И папаше, и сыночку, и прочим. Дворец, а не дача!

– А что, у отца-то большая семья? – усмехнувшись, процитировал сыщик русского классика.

– Да не сказать, чтобы большая. Сами папаша с мамашей, их сынок, ну и еще дочка. Вот и весь список.

– Понятно, – еще раз сказал сыщик.

Они опять замолчали. Солнце уже почти касалось линии горизонта. Еще немного, и оно коснется этой линии, а затем неизбежно за ней скроется. Ни сыщику, ни участковому не хотелось вставать с бревен и делать также ничего не хотелось. Не спорилось дело у сыщика с участковым. Не было ни свидетелей убийства, ни каких бы то ни было доказательств, ни тем более подозреваемых. И непонятно, в какую сторо-

ну бежать и что делать, чтобы необходимые доказательства и подозреваемые появились.

– Ладно, – сказал сыщик, нехотя поднимаясь с бревен. – Потрудимся еще, пока солнце не закатилось. Пообщаемся с населением. Может, за что-нибудь и зацепимся. Значит, мне – налево, тебе – направо. И... – Он не договорил фразу, неожиданно переменял тему: – Слушай, а кто таков глава этого почтенного семейства и его супружница? И... ты сказал, что у них есть еще и дочка?.. Так вот, она по жизни кто?

– Ну ты даешь! – изумился участковый. – Живешь в городе, а городских реалий не знаешь! Кто у нас в районном центре мэр? А? Как его фамилия?

– Кажись, Воронова, – потер лоб оперуполномоченный.

– Ну? – хохотнул участковый. – А у хозяев дачи как фамилия? Тоже Вороновы! А дальше – мысли сам. Ты – опер, ты должен уметь мыслить логически.

– Ну и ну! – покрутил головой опер. – Так это меня поперли с дачи, принадлежащей нашему мэру? Какая для меня честь! Вернусь в отделение, расскажу ребятам – все обзавидуются! Ну а сам глава семейства – кто же он?

– Вроде как областной депутат, – ответил участковый. – Плюс, поговаривают, владелец каких-то заводов, газет и пароходов. Через подставных лиц, понятное дело, ибо по закону не положено.

– Понятное дело, – хмыкнул сыщик. – По закону не положено. Мама – мэр, сынок в этом же городе подмял под себя

все строительство, а над ними гордо реет папа. Так сказать, орел областного масштаба. Нет-нет, никаких пошлых намеков, а тем более выводов! Просто так совпало. А так-то, конечно, все они – существа кристальной душевной чистоты. Ну а доченька у них кто?

– Толком не знаю, – пожал плечами Василий Курятников. – Говорят, учится в какой-то навороченной академии. Вроде как в Москве. Да она и бывает-то тут редко... Да ты для чего о Вороновых спрашиваешь?

– И сам не знаю, – в раздумье проговорил сыщик. – Наверное, спросил для общего уяснения картины. И потом: а вдруг пригодится?

– Что пригодится? – непонимающе спросил участковый.

– Информация, которую ты мне сейчас выдал. Мало ли...

– Ты что же, думаешь, что Вороновы как-то причастны к убийству этого сибирского бродяги? – с недоумением спросил Василий Курятников.

– Ничего я не думаю... Просто я спросил, а ты ответил. Ну, пошли общаться с народом! И встречаемся на этом же самом месте, как только окончательно стемнеет.

И они пошли – каждый в свою сторону.

Зацепиться за интересную информацию удалось оперу Лежакову и притом, когда уже совсем стемнело и когда он совсем разуверился, что добудет сегодня что-нибудь путное. Получилось непредвиденно, как обычно и бывает в подобных случаях. Сыщик обошел, наверно, домов тридцать, если не больше, и везде ему отвечали, что ничего не видели, не слышали и не знают. Оперуполномоченный, конечно, понимал, отчего народ безмолвствует. Как-никак самое настоящее убийство. А вдруг и вправду мафия? Скажешь, а потом и сам ляжешь под той же самой старой ивой. Нет уж, лучше промолчать – целее будешь. Но, с другой-то стороны, как следствию обойтись без свидетелей? Без них никак нельзя. Оттого и приходилось сыщику и участковому обходить один деревенский дом за другим и задавать их обитателям однообразные вопросы. Не видели? Не слышали? А может, о чем-то догадываетесь? А догадки-то откуда? Из каких таких источников?

И только в тридцать каком-то по счету жилище оперуполномоченному повезло. В этом доме обитала одинокая старушка – сухонькая и подвижная, какой и полагается быть деревенским старухам.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался сыщик, остановившись на пороге. – Войти в дом позволите?

– Добрым людям всегда рады, – традиционно по-деревенски ответила старушка.

– Человек-то я и вправду добрый, – входя, сказал сыщик. – А вот только дела у вас в деревне творятся недобрые. Оттого-то я к вам и пришел. Думаю, может, чего подскажите?

– А ты тот самый, который шарил у покойника по карманам? – поинтересовалась старуха. – Я-то видела сегодня утром. Вроде как и вправду ты... – По исконно деревенской традиции старуха обращалась к сыщику на «ты», тем более по виду он годился ей в сыновья, а может, даже и во внуки, так что молод еще, чтобы «выкаты».

– Я, бабушка, я, – покорно согласился сыщик. – Что поделать – работа у меня такая.

– А все равно – покажи документ, – потребовала старуха. – А то ведь оно всяко бывает. А вдруг ты все же не полицейский, а мафия!

Сыщик протянул старушке удостоверение. Она внимательно его рассмотрела и даже ближе к лампе поднесла, чтобы лучше видеть.

– Вроде как похож, – заявила она. – С тем, который на фотографии... просто-таки одно и то же лицо! И печать имеется... И вдобавок на сынка моего младшего очень походишь. Он тоже в городе. А потому, может, ты и не мафия...

– Полицейский я, бабуля, – улыбнулся Семен Лежаков. – Сыщик. Честное слово! Вот, раскрываю убийство.

– А от меня чего тебе нужно? Или, может, ты думаешь,

что это я его убила – топором-то по голове? Ну, или камнем. Может, оттого ты ко мне и пришел, что считаешь меня душегубицей?

– Нет, мать, не думаю и не считаю! – уже совсем открыто рассмеялся оперуполномоченный. – Но, может быть, вы что-нибудь видели, слышали или знаете? Ведь надо же найти убийцу, как вы думаете?

– Надо-то оно, конечно, надо... – в раздумье проговорила старуха.

И тут опер вдруг почувствовал, что вот оно! Бабуля явно что-то знает! И если к ней найти правильный подход, то она скорее всего будет первым свидетелем в деле. Иначе говоря, той самой ниточкой, потянув за которую распутаешь весь клубочек.

– Звать-то вас как? – участливым тоном спросил оперуполномоченный.

– Татьяной Никитичной, – ответила бабуля.

– Тяжелая у меня работа, Татьяна Никитична! – вздохнув, жалостливо сказал сыщик. – Неблагодарная. И начальство строгое. Да... А самое-то плохое – преступники. Убийцы всякие... Ага... Вот говорю я с вами, а сам не знаю: может быть, он завтра и меня, как того человека, который подивой... А что, запросто! Я ему – руки вверх, а он меня – камнем! Бывали случаи, как же... А у меня – мама. Вот как, к примеру, вы у своего сынка. Сына-то как звать?

– Сашей его звать. Александром, – ответила старуха.

– Вот видите – Александром. А мою маму, между прочим, звать Марией Карповной. Тяжкая у меня работа, что и говорить! Так что вы уж скажите, если что-то знаете...

– Видела я его, – после некоторого молчания сказала Татьяна Никитична. – И не только видела, а и наблюдала. То есть как его выволакивали волоком за ворота.

– Кого видели и наблюдали? – мягко, но настойчиво спросил сыщик.

– Убитого этого... то есть когда он еще был живой. Да его, я мыслю, многие в деревне видели. Только вот не скажет никто. А я скажу. Потому что уж больно ты похож на моего сынка Александра. Он тоже в городах... Ты его, случайно, там не встречал?

– Нет, – развел руками оперуполномоченный. – Город-то большой, сами знаете. Как в нем всех заметить? А когда вы его видели и наблюдали – убитого? Где? При каких обстоятельствах?

– Да ты садись, – указала Татьяна Никитична на стул. – А я уж расскажу, как дело было... то есть что я видела, слышала и наблюдала.

И она рассказала. Случилось это позавчера вечером... ну да, точно, вечером, потому что было уже темно. А у Татьяны Никитичны, надо сказать, есть гуси. Причем такие дурные гуси, что не приведи господь. То есть они почти никогда не возвращаются домой ночевать, и Татьяне Никитичне всякий раз приходится их разыскивать и по всей деревне, и за дерев-

ней, и, случалось, даже в лесу. Уж такие это беспутные гуси!

Ну так вот. Позавчера эти невыносимые гуси опять не вернулись домой. А уже темнело, и Татьяна Никитична пошла их искать. И нашла аж в самом дачном поселке, где проживают заезжие из города люди. И погнала их гурьбой домой – гусей, понятное дело, а не заезжих городских людей. Тех людей, надо сказать, в поселке никого и не было, потому что больше приезжают на свои дачи по выходным да по праздникам. А позавчера, как известно, был будний день – так откуда бы им взяться, тем городским людям?

И вот гонит Татьяна Никитична своих беспутных гусей, а во всем дачном поселке – хоть бы один тебе огонек! Тьма непроглядная! И лишь в одном-единственном доме и вокруг него горели яркие огни – уж такие яркие, что просто нестерпимо посреди тьмы. А живут в том доме...

– Вороновы! – неожиданно даже для самого себя перебил старушку сыщик и удивился вдруг снизошедшему на него просветлению. – Вороновы их фамилия!

– Кажись, так, – с некоторым удивлением произнесла Татьяна Никитична. – Да ты, милоч, и без меня все знаешь...

– Нет-нет! – горячо уверил ее оперуполномоченный. – Я знаю только, что Вороновы, да и то не знаю, а догадываюсь, а из того, что вы мне рассказываете, – ничего! Вы говорите, говорите!..

Ну и вот. Дом Вороновых сиял множеством огней, что в окнах, что во дворе. И, кроме того, там слышались чьи-то

громкие голоса. Признаться, это обстоятельство Татьяну Никитичну удивило. Вроде бы будний день, а дом сияет всеми огнями. Впрочем, какое ей дело до чужой жизни? Значит, так оно надо, что дом сияет в будний день. У всякого человека – свои собственные дела.

А маршрут Татьяны Никитичны вместе с ее непутевыми гусями пролегал аккуратно мимо вороновского дома. И вот, значит, как только она вместе с окаянными гусями подошла к дому, вдруг открывается калитка и оттуда вываливаются трое мужчин. Один – посередке, а двое – по бокам. И те, которые по бокам, просто-таки волоком волокут того, который посередке. Выволакивают, значит, за калитку, бьют три или четыре раза по шее и всяким прочим местам и швыряют наземь. И говорят: ступай, мол, отсюда и больше не появляйся, а если появишься, то мы тебя и застрелить можем!

– Вот так прямо и сказали? – решил уточнить сыщик.

– Так прямо и сказали, – подтвердила Татьяна Никитична. – И еще разные матерщинные слова...

– А вы их хорошо разглядели? – напористо спросил сыщик.

– Это кого же? – не поняла старушка.

– Всех, – уточнил сыщик Лежаков. – И в первую очередь того, кого волокли, били и угрожали застрелить.

– Ну, так вроде он и был, – с некоторым сомнением произнесла Татьяна Никитична.

– Он – это кто?

– Ну, который сегодня утром под ивой... которого убили. У которого ты по карманам шарил... Я-то сегодня его видела. Точно, он, хоть и мертвый. А тогда-то он был живой.

– А вы не ошибаетесь? Я это говорю не к тому, что не верю вам. А просто – вы шли, а было темно...

– Это вокруг было темно, – возразила старушка. – А в том доме еще как светло. Говорю же тебе – фонари. Я-то хоть и старая, а из ума еще не выжила. Так что ты, сынок, не сомневайся.

– Ну, хорошо, – в раздумье произнес сыщик. – Значит – он... Ну, а те, кто его тащил волоком и бил, – этих-то вы тоже разглядели?

– А то как же! – уверила сыщика старушка. – Разглядела. Один, значит, постарше, а другой – помоложе. Тот, что постарше, ниже ростом и толще, а который молодой – выше и совсем не толстый. Вот...

– А раньше-то вы их видели? – спросил оперуполномоченный.

– Это кого же?

– Ну, тех, которые волокли и били.

– А вот этого не скажу, – в раздумье проговорила Татьяна Никитична. – Может, видела, а может, наоборот, и не видела. Кто его знает...

– А Вороновых, я говорю об отце и сыне, вы разве никогда раньше не видели?

– А можно сказать, что толком и не видела. Кто они мне,

чтобы с ними целоваться? Так, издалека...

– Но все-таки – может, это были именно они?

– Вот опять же – не скажу. Может, они, а может, и нет. А только вот что я скажу: кому же быть, как не им? Ведь дом-то ихний. Кто бы чужой стал хозяйничать в их доме, да еще так, чтобы бить кого-то другого, да еще и матерщинничать? Стало быть, они. Вороновы эти.

– Так... Ну а больше вы его – того, которого они били, не видели?

– А больше и не видела. Да ты сам рассуди – когда бы мне его было еще видеть? То, о чем я тебе толкую, было позавчера, а вчера мои гуси вернулись домой сами, так что даже из дома никуда не выходила, а сегодня утром он уже был мертвый. Некогда мне было его видеть во второй раз – вот оно как получается.

– Ну а насчет того, что отец и сын Вороновы... ну, эти двое... угрожали его убить, вы точно слышали?

Старушке, кажется, начинал уже надоедать этот разговор. Она энергично поерзала на табурете и встала.

– Говорю то, что слышала, – сказала она и поджала губы. – А чего не слышала, того и не говорю.

Сыщик тоже встал. Кажется, разговор с Татьяной Никитичной и вправду подходил к концу. Оставалось лишь выполнить формальности – записать бабкины показания в протокол допроса, дать ей прочитать и расписаться, где надо. Что Семен Лежаков и сделал в два счета и распрощался с

бабулей.

Участковый уже был на месте. Его силуэт маячил на фоне все еще догорающего летнего заката. Услышав шаги, он шевельнулся.

– А я уж думал, ты пропал навсегда, – проворчал он.

– Узнал что-нибудь существенное? – поинтересовался опер.

– Ничего, – вздохнул участковый. – Ну, народ! Ну, люди! Для них же стараешься, а они... А ты что-то добыл?

– Может, и добыл, – ответил сыщик, садясь рядом с участковым на бревно.

– Ну, так не томи душу, выкладывай!

И сыщик рассказал участковому все, что узнал от Татьяны Никитичны. Он старался говорить лишь факты, без выводов. Выводы предстояло сделать потом, когда факты будут изложены.

– А эта твоя бабуля, случаем, не сочиняет? – спросил участковый, когда оперуполномоченный умолк. – Бабули – они бывают всякие. Иногда такие фантазерки, что... – Участковый не договорил и выжидающе уставился на сыщика.

– Похоже, не сочиняет, – сказал сыщик. – Да и для чего ей сочинять? Главное – все таятся, а она вдруг ударилась в сочинительство. Как-то нелогично...

– Значит, били и даже угрожали застрелить, – не сразу сказал участковый. – А буквально через день того, кому угрожали, находят мертвым. Правда, не застреленным, а с пробитой головой, но это не так и существенно. Важно другое. Вот она – угроза, а вот она – смерть. Это что же получается? А получается причинно-следственная связь. Такие вот дела... Ну и что нам теперь делать?

– По-хорошему, надо было бы допросить все это семейство, – сказал сыщик. – И послушать, что Вороновы скажут. А уже потом делать выводы. Но...

– Дальше можешь не продолжать, – тоскливо произнес участковый. – Попрут нас эти хозяева жизни как пить дать. Еще и нажалуются – вот, мол, причинили им беспокойство. А если даже и не попрут, то ведь все равно ничего не скажут. Ведь то, что видела и слышала твоя бабуля, – это же улика против них. Хоть и косвенная, но улика.

– Здесь важнее другое, – сказал сыщик. – Получается, что убитый общался с этими самыми Вороновыми. Значит, он их знал. А может, и вовсе прибыл именно к ним из Сибири... Но зачем?

– Может, их что-то связывает? – предположил участковый. – Какие-то общие дела... я не знаю.

– Что может связывать депутата, мэра и бродягу? – хмыкнул оперуполномоченный.

– Откуда мне знать? – пожал плечами участковый. – Но ведь они же дрались, не так ли? Значит, был конфликт. А

конфликты на ровном месте не возникают.

– Может быть, и так, – согласился сыщик. – Но ничего толком мы не узнаем, пока не допросим это веселое семейство.

– А мы его – не допросим... – продолжил участковый, помолчал и вдруг воскликнул: – Слушай, а может, хотя бы попытаемся допросить, а?! Выследим, когда Вороновы будут на даче, явимся и скажем: так, мол, и так, есть у нас серьезная информация, которая может бросить тень на ваш безупречный портрет. Так что будьте добры, ответьте на пару вопросов... Не для протокола, дескать, а в целях выяснения истины.

– Ты что же, где-нибудь видел или слышал, чтобы мэр выступал свидетелем? – с иронией спросил оперуполномоченный. – Даже если это мэр какого-нибудь унылого места вроде нашего райцентра. Я уже не говорю о депутате. Депутат-свидетель... да ты думай, о чем говоришь! Еще и нагоняй получим от начальства. Зачем, спросят, вы полезли в эти небесные сферы... Ваше дело – ловить уголовников, а не подозревать в убийстве мэров и депутатов.

– Тогда, может, поработаем по другим версиям? – спросил участковый.

– По каким, например?

– Убийство с целью ограбления. Ведь не было же при убийстве ничего, кроме паспорта – ни денег, ни телефона, ни карточки... Или, скажем, убийство по пьяной лавочке. Поссо-

рились двое пьяниц, ну и того...

– Твои версии называются дежурными, – сказал оперуполномоченный. – А что такое дежурная версия? Это версия на всякий случай, когда никаких других более-менее серьезных версий нет и в помине. А у нас есть серьезная версия. Нутром чую, над ней стоит поработать. Да вот только руки у нас с тобой коротковаты, чтобы до Вороновых дотянуться.

– Так что же делать? – уныло спросил участковый.

– А! – махнул рукой сыщик. – На сегодня – хватит. Уже вечер, а мне еще добираться до города.

– У меня машина, – сказал участковый. – Я довезу.

– И то хорошо, – буркнул сыщик. – Доберемся до города, завтра поутру доложу о результатах расследования начальству, и пускай оно решает, что дальше делать. На то оно и начальство, чтобы бодаться со всякими депутатами и мэрами. А наше дело – маленькое. В общем, поехали.

И они поехали в город.

Наутро, в пятницу, оперуполномоченный Семен Лежаков предстал перед своим начальством – заместителем начальника районного отделения полиции майором Вахитовым. И доложил ему по всей форме: так, мол, и так, работа по убийству в деревне Антонова Балка проведена такая-то и такая-то, результаты – такие-то и такие-то, то есть, по сути, нулевые. Но есть одна чрезвычайно любопытная версия... И рассказал об этой версии. И почему она осталась недоработанной, рассказал тоже.

– Оно и правильно, – почесал в затылке майор Вахитов. – Один раз тебя оттуда поперли, а если бы ты пошел на эту дачу во второй раз, то поперли бы и во второй. Да еще, пожалуй, подняли бы шум на всю область: так, мол, и так, полиция затеяла против нас политическую провокацию. Ну что за жизнь? Скоро не останется ни одного нормального уголовного – все сплошь политики! А ведь я еще помню добрые старые времена...

И майор Вахитов принялся самозабвенно ругаться. И только выругавшись всласть, он вновь приобрел твердость духа и способность мыслить рационально и трезво.

– Вот что, – сказал он оперу Лежакову. – Ты к этим Вороновым больше не суйся. Понял? Да и я к ним соваться не стану также. Это – дело областного масштаба. Поговорить с

ними, конечно, надо, потому что версия и впрямь дельная. Коль была драка с угрозами убийства, а вслед за этим случилось и само убийство, то... в общем, здесь и рассуждать не о чем. Но пускай с ними общаются в нашем областном управлении. У них и горизонты пошире, и власти побольше. А мне мои майорские погоны дороги как память. Мне через полтора года на пенсию – понятно тебе? В общем, так. Сегодня же я свяжусь с областным управлением, доложу о ситуации и запрошу помощи. А там – будет видно.

– А что делать мне? – спросил Лежаков.

– А вы с участковым поработайте пока по другим направлениям. Например, отработайте версию убийства с целью ограбления. Или – по пьяной ссоре. Понятно?

– А то как же, – кисло произнес оперуполномоченный. – Все нам понятно. Поработаем...

– Вот и ступай, – велел майор Вахитов и вновь принялся ругаться.

Его ругательства Лежаков дослушивал уже на выходе из отделения. И совершенно был согласен с их содержанием. Более того, Лежакову хотелось к начальничьим ругательствам присоединиться. Но не позволяла субординация.

Наругавшись вволю, майор Вахитов стал действовать. Вначале он сходил к начальнику районного отделения полиции подполковнику Смехову и доложил ему о сложившейся ситуации. Подполковник Смехов в присутствии Вахитова стал звонить в областное управление полиции – вышестоя-

щему начальству. Сообщать о случившемся было вроде бы рановато, так как шел всего второй день с момента обнаружения покойника в Антоновой Балке, но все дело упиралось в эту проклятую версию с депутатом. Дозвонившись и рассказав о ситуации, Смехов весь обратился в слух.

– Ладно, – сказала областное начальство. – Ты там, Смехов, ничего пока не предпринимай. Поработайте пока по другим направлениям. Например, отработайте версию убийства с целью ограбления или в ходе пьяной ссоры... Да, вот еще ценная версия – убийца и убитый что-то не поделили. Например, женщину... А что? Бывают и такие жизненные случаи... В общем, действуйте. А мы тут посоветуемся, и я тебе перезвоню.

– Тебе все понятно? – спросил Смехов у Вахитова.

– А то как же, – бесстрастно ответил майор.

– Вот и действуйте, – приказал Смехов. – Расследуйте убийство. А я буду ждать звонка из областного управления. Сейчас они будут там совещаться... Да, вот что еще. Они нам подбросили одну ценную версию. Убитый и убийца не поделили между собой женщину. Ну и того... Тебе все понятно?

– Абсолютно, – отчеканил Вахитов и вышел из кабинета. Ему опять невыносимо захотелось ругаться, и только громадным усилием воли он удержал в себе это желание.

Из областного управления Смехову позвонили через два часа и сказали, что ситуация складывается скверная, они там, в области, также не желают быть причиной политиче-

ской провокации с непредсказуемыми для самих себя последствиями, а потому запросили помощи аж у самой Москвы. А точнее – у Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России. Там – ребята ушлые и тертые, а главное – у них развязаны руки. Никакая областная, а тем более районная власть на них не цыкнет, а потому они смогут разобраться со всеми здешними мэрами и депутатами на счет раз-два-три. И сумеют привлечь их к справедливой ответственности, если они того заслуживают, даже если речь идет об убийстве какого-то бродяги. Потому что бродяга – он такой же гражданин России, как и мэры с депутатами. Вот и ждите гостей из матери-столицы. А вот когда именно они придут и в каком количестве, про то никому не известно. А точнее, известно: когда им надо, тогда и придут. И в каком им заблагорассудится количестве. А пока они не прибыли, работайте по другим версиям. И главное, не забывайте версию о неподеленной женщине. Потому что это очень перспективная версия. Вам все понятно?

И областное начальство положило трубку.

У Льва Ивановича Гурова зазвонил телефон. Судя по мелодии, это был деловой звонок. У полковника Гурова на телефоне было две мелодии. Если звучала мелодия отрывистая и четкая, это означало, что звонило начальство или верный друг, коллега и напарник Станислав Крячко. Для всех остальных случаев в телефоне играла другая мелодия – нежная и лирическая. Даже если Гурову звонили преступные личности (а нередко бывало и такое) или кто-нибудь из агентов.

Так вот: это был явно деловой звонок. Какое-то время Гуров медлил, наивно надеясь, что телефонный трезвон умолкнет сам собой. Сейчас, именно в этот самый момент, ему не хотелось брать трубку и, соответственно, не было особого желания с кем-то разговаривать. Он сидел на скамейке в скверике и наблюдал, как летний ветерок пробегает по листьям кустов и деревьев. Гурову очень редко выпадало такое счастье – неподвижно и почти бездумно пребывать наедине с самим собою, да еще и любоваться игрой ветерка, света и теней на листьях деревьев.

Проклятый телефон и в самом деле на какое-то время умолк, но затем его четкие отрывистые трели зазвучали вновь. Из чего сам собою следовал вывод: тот, кто звонит, не отстанет от Гурова, пока он не ответит на звонок. Лев Ива-

нович извлек из кармана телефон. Звонила Верочка, секретарь генерала Петра Николаевича Орлова, непосредственно начальника Гурова.

– Уж кого-кого, а вас, Верочка, я всегда готов слушать с особой радостью, – сказал Лев Иванович в трубку. – Потому что именно после ваших звонков моя прозаическая жизнь резко меняется. В ней сразу же появляется лирика: призраки казенного дома, зов дальней дороги, предчувствие бубновых хлопот...

– Кажется, именно все это вам скоро и предстоит. Потому что через два часа вас ждет к себе Петр Николаевич. Просил не опаздывать, из чего следует, что дело важное.

– Только лишь меня одного? – уточнил Гуров.

– Как бы не так, – рассмеялась Верочка. – Конечно же, вместе со Станиславом Васильевичем. Сейчас буду звонить и ему.

– Не утруждайтесь понапрасну, – сказал Лев Иванович. – Я позвоню ему сам.

– Ну и прекрасно, – проговорила Верочка. – Смотрите, не опаздывайте.

Перестроившись на деловой лад, Гуров позвонил Станиславу Крячко.

– Привет, – сказал он.

– Дальше можешь и не говорить, – засмеялся Крячко. – Потому что все твои дальнейшие слова я могу угадать и сам – по тому, как ты произнес слово «привет». Сейчас ты ска-

жешь «вас вызывает Таймыр». Или что-то в этом роде. Я угадал?

– Если слово «Таймыр» заменить словами «генерал Орлов», то угадал в точности, – рассмеялся и Гуров.

– Ну, я так и знал! – с преувеличенной бодростью произнес Крячко. – И когда быть?

– Через два часа. Точнее – через один час и пятьдесят четыре минуты.

– Придется поспешить, – сказал Крячко. – Ибо я далеко-далеко.

– Ну, так поспешай.

На том их разговор и закончился.

8

– Значит, так, – сказал генерал Орлов, когда Гуров и Крячко вошли в генеральский кабинет, по-приятельски, как давние знакомые и друзья, поздоровались с начальником и расселись по местам. – Я пригласил вас...

– Чтобы сообщить пренеприятное известие, – не удержался от дружеского ехидства Станислав Крячко.

– Совсем наоборот, – усмехнулся генерал. – Известие очень даже приятное...

– Да ну? – на этот раз не удержался уже Гуров.

– Точно, – подтвердил генерал Орлов. – И сейчас вы это оцените сами. Есть на Руси-матушке один прекрасный уголок под названием Антонова Балка. Чистый воздух, нетронутая природа, отзывчивые жители. Точные координаты я вам сообщу потом, а пока – о главном. В этом райском уголке совершено убийство. Со слов местной полиции, убили какого-то бродягу. Причем, судя по паспорту, не местного, а издалека – из Сибири.

Гуров и Крячко переглянулись, но генерал Орлов не был бы генералом Орловым, если бы не заметил обмен взглядами между своими друзьями-подчиненными.

– Понимаю, о чем вы хотите сказать и друг другу, и мне заодно, – опять усмехнулся Петр Николаевич. – Дескать, дожили Крячко с Гуровым – на раскрытие убийства какого-то

бродяги их хотят послать! Не ценит больше генерал Орлов своих друзей и не верит им как подчиненным.

– Ну, если выразаться фигурально... – начал было Крячко, но генерал Орлов его мягко перебил:

– А ты пока не выражайся никак. Потому что я еще не все сказал. С одной стороны, это обычное преступление, с которым, думаю, запросто могла бы справиться местная полиция и без нашей помощи. Но есть в этом деле и другая сторона...

Генерал встал, прошелся по кабинету, долго вглядывался в окно, будто увидел за ним что-то чрезвычайно интересное, потер ладонью лоб и продолжил:

– Так вот, другая сторона... В этой самой Антоновой Балке, как доложила мне местная полиция, нравы самые что ни на есть патриархальные. Представьте, что там до сих пор не запирают домов. Ну, нет там воров... этакое диво! И вдруг – убийство. И какой же вывод из этого должен следовать? – генерал с прищуром взглянул на Гурова и Крячко.

– Вывод напрашивается сам собой, – ответил Гуров на этот вопросительный взгляд генерала. – Убийство, о котором идет речь, – явление чрезвычайное...

– И, должно быть, обстоятельства, приведшие к нему, тоже необычные, – добавил Крячко.

– Потому что обычно так не бывает, чтобы там, где нет даже мелких краж, – и вдруг убийство, – продолжил Лев Николаевич. – Нелогично получается.

– Не было ни гроша, да вдруг алтын – так в этой жизни не

бывает! – подытожил Стас.

– Вот! – генерал Орлов торжественно поднял палец. – За что я вас в первую очередь ценю, так это за то, что вы умеете схватывать суть дела на лету! А ты говоришь, что я разменял вас на мелкую монету, – с дружеской укоризной взглянул генерал на Крячко. – Станислав Васильевич, вам должно быть совестно за такие ваши мысли.

– Мучительные угрызения совести терзают меня уже полторы минуты, – сообщил Крячко.

– И это прекрасно! – радостно сказал Орлов. – Тобой извинения произнесены, мной они приняты, а потому идем дальше. Итак, существуют некие невыясненные чрезвычайные обстоятельства, которые, как мы все понимаем, могут быть интересными, неожиданными и резонансными. Более того, в этом деле есть еще одна сторона – гораздо интереснее первой. Оказывается, за день до своей смерти убитый вступил в конфликт с членами семьи неких Вороновых. И они пригрозили его убить...

Петр Николаевич умолк и многозначительно посмотрел на Гурова и Крячко. Он явно ожидал, что те продолжат его мысль, и не ошибся. Отозвался Крячко:

– Драка – угроза убийством – убийство... Вырисовывается любопытная цепочка. Иначе говоря, причинно-следственная связь.

– Вот именно! – подхватил генерал Орлов и посмотрел на Гурова – что скажет он.

– Версия действительно интересная, – согласился Гуров. – Но вместе с тем и простая. Мне кажется, что с этим делом справился бы любой зеленый сыскарь со стажем в один год. Взять этих... как ты их назвал... Вороновых, что ли?..

– Да, – подтвердил Орлов.

– Ну, так вот: взять их в оборот, да и дело с концом. А не поможет прямой допрос, подпустить пару-тройку оперативных хитростей... При чем тут мы? Что-то я тебя не пойму, Петр Николаевич. Чувствую, самую сладкую конфету ты оставил напоследок. Ну, так выкладывай, чего уж там. Не таи десерт от друзей.

– Нет, – решительно произнес Орлов. – С вами, братцы, общаться абсолютно неинтересно! Все-то вы знаете наперед! Что ж, выкладываю последнюю конфетку. Дело в том, что эти самые Вороновы – не простые смертные, а...

– Новоявленные хозяева жизни, к которым у местной полиции не хватает силенок и решимости подобраться, – эти слова Крячко отчеканил как некую давным-давно вызубренную им формулу. – Я прав?

– Если отбросить в сторону, что генерала и прямого начальника перебивать нетактично, то во всем остальном, Станислав Васильевич, ты получаешься вкруговую прав. Ни добавить, ни возразить, – с деланой строгостью произнес Орлов.

– И кто же они, эти самые хозяева? – спросил Гуров.

– Как обычно. Глава – областной депутат, его жена –

мэр районного городка, сын – успешный предприниматель в этом самом городке. Все по формуле – будь она неладна, эта самая формула.

– Наверно, у сынка строительный бизнес? – вопрос Гурова был больше похож на утверждение, чем собственно на вопрос.

– А то что же еще? – буркнул генерал. – Самое сладкое кушанье для всяких... одним словом, для предприимчивых людей.

– И нам, значит, предстоит взять это милое семейство в оборот и выяснить истину относительно убитого бродяги, – сказал Крячко.

– Да, – коротко ответил генерал Орлов. – Но не только. Думаю, у этой семейки много всяких несправедливых тайн. Как оно и водится на современной Руси... Хорошо бы попутно вытряхнуть из них эти тайны.

– В общем, – подвел итоги Гуров, – обычное дело.

– Обычных дел не бывает, – не согласился Орлов. – Разве это не твои слова?

– Мои, мои, – успокоил генерала Лев Иванович. – Да, кстати: а как именно был убит этот сибирский путешественник?

– Обыкновенным российским образом, – ответил генерал. – Местная экспертиза дала заключение, что обухом по голове.

– Как-то не стыкуется... – в задумчивости проговорил Крячко. – Депутат, мэр – и обухом по голове! Как-то по-бо-

сяцки, по-разбойничьи...

– Какие депутаты и мэры, такие и убийства, – ответил генерал Орлов. – Так что все стыкуется.

– Bravo! – с грустным видом поаплодировал Крячко. – Не слова, а чеканная формула. Просто-таки на века!

– А иди ты сам знаешь куда со своими овацями, – вяло отмахнулся генерал.

На том разговор и завершился. Собеседники пожали друг другу руки и расстались. Гурову и Крячко надо было готовиться к отбытию в благословенную деревню Антонова Балка.

Перед самым отъездом Гуров и Крячко, как обычно, устроили совещание.

– Деревня-то, конечно, благословенная – эта самая Антонова Балка, – сказал Лев Иванович. – Думаю, что и районный центр от нее мало чем отличается. А все-таки надо бы как-то похитрее, что ли... Пес их знает, что кроется за этой их кротостью. Дома не запирают, а человека убили...

– Так ведь убил не народ, – возразил Стас, – а депутат с мэром. Картина, кажется, довольно ясная.

– И ты туда же, – хмыкнул Гуров. – А если не они? Бывает, что в самом простом и очевидном преступлении кроются такие сатанинские глубины, что... – Он недоговорил и лишь махнул рукой.

– Да знаю, – нехотя произнес Крячко. – Это я просто так, чтобы проверить тебя. Ну, и себя заодно. В нашем деле никогда не следует настраиваться на легкую прогулку, ибо сильно потом разочаруешься! – Последние слова Стас произнес с деланным пафосом.

– Вот именно, – согласился Лев Иванович. – А тут еще – местные полицейские. Кто их знает – не смогли они подобраться к этим Вороновым или не захотели?

– Я думаю, что и так, и этак, – предположил Крячко. – Дело лишь в пропорциях. То есть чего больше – нежелания

или невозможности.

– Приедем на место – разберемся, – сказал Гуров. – И на этот счет есть у меня одна идея...

– Ну-ка, ну-ка, – Крячко выразил своим лицом предельное внимание.

– Я думаю, что нам надо разделиться, – предложил Гуров, не обративший внимания на показушное шутовство своего напарника, ибо такая манера общения Крячко была ему давно уже знакома.

– Не понял... – эти слова Стас произнес уже совершенно искренне.

– Скажем так: я поеду в своем обычном обличье – ну, как полковник из центра Гуров, а тебе придумаем какую-нибудь роль, с полицией никак не связанную, – сказал Гуров.

– И для чего же такие перевоплощения? Будь добр, растолкуй свою гениальную мысль подробнее. А то до меня в силу моей простоты что-то не доходит.

– То, чего не сможет узнать официальное лицо, попробует выведать лицо неофициальное, – стал терпеливо объяснять Гуров. – Методы-то разные, значит, и возможностей выведать будет в два раза больше.

– Понятно, – сказал Крячко. – Эти туземцы – народ, как водится, скрытный, никаким властям они испокон веку доверять не привыкли, следовательно, полковник полиции Лев Гуров разужнает всего ничего. Другое дело, какой-нибудь весельчак и душка... этакий ухарь-купец, незнамо по какой

причине забравшийся в глухомань под названием Антонова Балка. Если я расположу этих аборигенов к себе, то они передо мной даже душу свою вывернут наизнанку, а не то что расскажут подробности убийства какого-то бродяги из Сахалина. Я правильно мыслю?

– Как всегда, – усмехнувшись, одобрительно сказал Лев Иванович. – Осталось лишь подобрать тебе подходящую роль. Ну, а все прочее будет твоя импровизация. И вот тут-то я в сильном смущении – какую же роль на тебя примерить. На простого, задушевного селянина ты явно не тянешь – физиономия не та. Да и руки тоже не те – без трудовых мозолей. Вот я и думаю...

– А что тут думать? – пожал плечами Крячко. – Здесь, если разобраться и вникнуть, вполне можно обойтись и без твоих раздумий. Тоже мне Станиславский нашелся – над ролью он размышляет... Моя роль для такого случая видится мне простой, как пряник. Я – выбившийся из народа тот самый ухарь-купец, о котором я толковал тебе выше. И хоть я и купеческого звания, но не выветрился из меня еще исконный народный дух и всяческие исконные народные повадки. Ну, там выпить и закусить, подмигнуть какой-нибудь деревенской молодке... в общем, надеюсь, тебе понятно. Ну а мне – понятно тем более. А прибыл я в эту самую Антонову Балку вот зачем. Петр Николаевич вроде сказал, что места там шибко замечательные, просто-таки райские. Да и дач по этой причине хватает. Вот я и возник в деревне, чтобы

подыскать себе место для дачки. Хожу, вникаю, общаюсь... А встречаться от случая к случаю будем с тобой тайком, как Ромео с Джульеттой. В общем, по ходу действия разберемся, что к чему. Ну и как тебе моя идея?

– Во! – показал большой палец Гуров. – На ять!

– Тогда, – сказал Стас, – осталось выяснить мелочи – когда и каким способом нам отбыть в это благословенное место.

Дату отбытия наметили на следующий день. Первым отбывал Гуров – на самолете до областного центра, а уж оттуда до самого места – как придется. А вслед за ним в том же самом направлении отправлялся и Крячко. Причем на собственном автомобиле. Почему на автомобиле, а не на самолете? А потому, что автомобиль был частью образа, в котором должен будет действовать Крячко. Что же это за ухарь-купец, если он без собственного автомобиля? Кто его примет всерьез, безлошадного? Кто с ним станет по-серьезному общаться? Кто ему поверит? Нет, без автомашины – никак. Она – неотъемлемая часть той оперативной легенды, которой должен соответствовать Станислав Крячко.

Прибыв на место, Станислав должен связаться с Гуровым по телефону и договориться о тайной встрече. За это время Лев Иванович постарается вникнуть в обстановку и определиться с планом действий. То есть с какого конца приступить к раскрытию преступления и могут ли Крячко с Гуровым надеяться на помощь местной полиции. Ну и, разумеется, Стас должен прибыть на место, что называется, в образе не «важ-

няка» из столицы, а в виде веселого, разухабистого и не имеющего абсолютно никакого отношения к полиции субъекта.

С тем Гуров и Крячко распрощались и стали готовиться к отбытию в далекую и загадочную Антонову Балку.

В областном управлении полиции Гуров до поры до времени решил не показываться. Ничего, кроме официальных рукопожатий, его там не ждало, – а зачем Гурову эти рукопожатия? После них все равно предстояло ехать в районную полицию – вся работа намечалась именно там. В общем, не до реверансов, которых Лев Иванович, признаться, откровенно не любил. К тому же неизвестно, как в области воспримут его приезд. Конечно, внешне встретят благоприсойно и радушно, а как воспримут на самом деле? В качестве основного подозреваемого в убийстве фигурировал как-никак областной депутат, а каково его влияние на областных полицейских чинов? Может, и никакого, а может, совсем наоборот – все полицейские чины пляшут под его дудку. Запросто могло быть и так – таковы времена. На месте выяснить обстановку намного проще. Тем более что завтра уже прибывал Крячко, и к этому времени Гуров должен был хотя бы поверхностно вникнуть в суть дела. Поэтому он нанял в аэропорту такси и спустя полтора часа был уже в районном центре. И даже больше того – в районном отделении полиции. Понятное дело, что в штатском костюме, а не в форме.

– Что надо? – глянул на него из окошечка капитан, должно быть, дежурный.

– Здравствуйте, – сказал Гуров в окошечко дежурной ча-

сти. – Я – полковник Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД. Вот мое удостоверение.

Дежурный капитан от неожиданности поперхнулся, закашлялся, поднялся с кресла и взял из рук Гурова удостоверение.

– Здравия желаю, – растерянно сказал он, возвращая удостоверение. – Слушаю вас...

– Мне нужно к вашему начальству, – пояснил Гуров.

– Понятно, – ответил дежурный. – К начальству... Но никого из начальства нет сегодня на месте... сегодня – выходной, так что, сами понимаете...

– Звоните, – коротко сказал Гуров.

– Сию минуту, – торопливо выговорил капитан. – Все телефоны у меня под рукой, так что мы мигом... А вы бы пока прошли и присели... вот кресло.

Гуров прошел в дежурную часть и сел в предложенное кресло. Атмосфера в районном отделении ему понравилась с первого взгляда. Нет, и вправду здорово! Выходной день, начальство отдыхает, все тихо, мирно, никакой суеты и беспокорства. В общем, все, как и должно быть – когда мир нормальный и предсказуемый. Красота!

Дежурный капитан тем временем пытался до кого-то дозвониться, но трубку, похоже, никто не брал. Дежурный нервно сбросил номер телефона, набрал его повторно, потом в третий раз... Его действия были безрезультатны – номер

не отвечал.

– Прошу прощения, – промямлил капитан, – но Смешной почему-то не отвечает...

– Кто? – не понял Гуров.

– Виноват, – испуганно ответил капитан. – Начальник отделения подполковник Смехов.

– Звоните заместителю по оперативной части, – улыбнувшись, посоветовал Лев Иванович.

– Сию минуту, – торопливо ответил дежурный и начал набирать другой номер телефона. – Алло! Алло! Мажитыч, это ты? Слушай, Мажитыч, тут такое дело... У меня тут сидит полковник Гуров из Москвы... Из Главного управления уголовного розыска. Да, в дежурной части, в кресле... Что? Нет, министра внутренних дел с ним нет... А что, тоже должен быть?... А... О... Э... С чего это я – пьяный? Я – на дежурстве! Да, документы проверил. Все вроде нормально... Почему мне знать, откуда он взялся? Он сказал, что хочет поговорить с начальством... Нет, до начальника я не дозвонился. Вот, дозвонился до тебя... Так что ты приезжай... Что? О... Э... А... – Дежурный положил трубку и отрапортовал: – Заместитель начальника по оперативной работе майор Вахитов сказал, что скоро будет.

Гуров открыл рот, чтобы что-то сказать дежурному в ответ, но не успел, потому что в помещение дежурной части вломился здоровенный, с деревенской физиономией парень в полицейской форме с погонами сержанта. Мельком по-

смотря на сидящего в кресле Гурова, сержант захохотал голосом, которому, пожалуй, мог бы позавидовать сам Шаляпин:

– Михайлыч, я уж и не знаю, что делать с этим старым придурком! Опять он стрелял по своим инопланетянам! Говорит, что уложил троих или даже четверых! А остальные улетели обратно в космос... Так что мне делать – оформлять как хулигана или вызывать санитаров? У меня из-за этого деда уже вся нервная система на исходе! Я вот что думаю...

Дежурный сотворил зверское лицо, покосился на Гурова и слегка дотронулся пальцем до своего плеча. Жест был понятен: сидящий в кресле Гуров – не просто сам по себе гражданин, а высокое полицейское начальство! Детина-сержант все моментально понял, сделал испуганные глаза и тут же исчез из дежурной части – будто сквозь пол провалился. Гуров не выдержал и расхохотался в голос.

– Весело тут у вас! – сказал он. – А можно узнать подробнее об этой войне с инопланетянами?

– А! – махнул рукой капитан, полицейским своим нутром почуявший, что полковник из Москвы, коль уж он смеется, – мужик вполне свойский, а потому скорее всего ему, капитану, никакой нагоняй не грозит. – Есть тут один у нас – старый чудак. Почти каждую ночь пуляет из ружья в небо. Говорит, стреляет в инопланетян, которые прибывают к нам в невероятном количестве. Причем стреляет каждый раз жаканом, так что сами понимаете... Нет, никого до сих пор он

не зацепил, потому что пуляет в небо, но ружье – оно и есть ружье. И откуда он их только берет, эти ружья? Вы не поверите, мы их у него уже изъяли штук десять! А он все едино: вернется из психушки – и ну пулять. Говорит, что уже убил больше ста пришельцев.

Гуров слушал капитана и усмехался. Легко он чувствовал себя в этом отделении полиции, что было хорошим знаком. Доводилось оказываться в таких полицейских отделениях, в которых была тягостная обстановка. А тут – ничего подобного. Легко, забавно, по-домашнему. Ну и замечательно, коль оно так.

– А вот и Мажитыч... виноват, майор Вахитов. Заместитель начальника.

Гуров и Вахитов Вахит Мажитович сидели в кабинете майора и разговаривали. Кабинет был как кабинет – без какого бы то ни было показного шика. Два стола, несколько стульев, сейф в одном углу, а в другом – облезлый шкафчик с набором чайной посуды. Таких кабинетов за всю свою полицейскую жизнь Гуров навиделся немало. И, надо сказать, они ему нравились своей простотой.

Понравился Гурову и сам Вахитов. Он не заискивал перед высоким московским гостем, не лебезил, не старался сблизиться, но и не отдалялся, словом, вел себя естественно и с достоинством. Гуров всегда ценил таких людей – тем более что не так и часто они встречались ему на его полицейском пути. Лев Иванович и сам был таким же, и поэтому его разговор с Вахитовым шел на равных.

... – Конечно, его могли прикончить и по пьяни, – говорил Вахитов. – Или из-за женщины, как пытаются убедить нас в областной управе. Все могло быть... Да вот только куда девать версию с этим чертовым депутатом? Ведь серьезная версия, рабочая.

– Расскажи мне подробнее об этом депутате, – попросил Гуров. – Точнее, обо всей семье.

– Да что тут рассказывать, – скривился Вахитов. Чувствовалось, что тема разговора ему не нравится, он от нее устал,

и даже больше – она вызывает у него отвращение. – Глава семейства – Воронов Игорь Николаевич, областной депутат. Разумеется, с претензиями на повышение во власти. Дождусь, говорит, выборов и буду пробовать пролезть вверх. Так и говорит – пролезть вверх. – Вахитов покривил лицо еще больше. – Жена – Екатерина Борисовна – мэр нашего города. Вот уже второй срок кряду... Сынок, естественно, успешный бизнесмен. Под ним все городские стройки. Папа, кстати говоря, тоже бизнесмен.

Гуров шевельнулся, и Вахитов правильно понял это его движение.

– Понимаю, что ты хочешь спросить, – сказал он. С самого начала разговора он и Гуров были на «ты». – Депутат, мол, не имеет права заниматься бизнесом... Ну, так официально он и не занимается. Все через подставных лиц. Как и полагается.

– И что же у него за бизнес? – спросил Лев Иванович.

– Есть у нас в городе нехилый водочный заводик. Ну, так этот заводик его. Большинство акций заводика владеет его сынок – Евгений. Да-да, тот самый, который еще и строитель. Все, конечно, знают, что истинный хозяин завода – именно Воронов-старший. Но формально – не подкопаешься.

– Ну, и конечно, если бы не жена-мэр, то не видать бы семейству этого сладкого заводика, – задумчиво произнес Гуров.

В ответ Вахитов лишь безнадежно махнул рукой:

– Дело даже не в этом. Есть нюансы гораздо интереснее. До Воронова заводом владели четверо местных ребят – мужики, в общем, неплохие. У каждого на руках было по двадцать пять процентов акций. Все, короче говоря, по-честному. Платили налоги, даже помогали больным и бедным. И вдруг двое из них, никому ничего не объясняя, отказываются от акций в пользу Вороновых. Как, почему? Молчат... Сказали лишь, что устали и хотят перевести дух. Через два или три дня от своих акций отказался и третий компаньон. А потом уехал куда-то за границу. С тех пор о нем ни слуху ни духу... А вот четвертый неожиданно погиб. На тихой улочке его насмерть сбила машина.

– Машину и шофера, конечно, не нашли, – предположил Гуров.

– В том-то и дело, что нашли! А правду сказать, и не искали, потому что виновник аварии в тот же день сам явился к нам с повинной. Сказал, что не хотел, что сбил человека случайно, что раскаивается в содеянном и готов понести заслуженное наказание. Его признали виновным в нечаянном наезде, судили, дали небольшой срок, а через год он уже оказался на свободе. Условно-досрочное освобождение за хорошее поведение, короче говоря. Вот так... А по правде – узор, шитый белыми нитками.

– Думаешь, к этой истории причастен Воронов?

– Тут и думать нечего, как ты сам понимаешь. Конечно, он.

– Ну а кто-нибудь пробовал довести дело до логического конца?

– То есть – посадить Воронова? – усмехнулся Вахитов. – Как же, пробовали. Я и пробовал. В ту пору я трудился старшим опером. Но те два компаньона, которые и сейчас живут в нашем городе, молчат вглухую. С самими Вороновыми хоть не говори вовсе. Любой мой визит к ним они воспринимали как политическую провокацию и начинали орать о том со всех колоколен. Оставался тот самый доброхот, который сбил четвертого компаньона. К нему я приклеил своего агента...

– Ну-ну, – заинтересованно произнес Гуров.

– Агент был профессионалом и поработал на славу, – сказал Вахитов. – Он разузнал много чего интересного...

– Стоп! – Лев Иванович неожиданно прервал Вахитова. – А теперь, если ты не возражаешь, я продолжу сам...

– Ну, давай, – заинтересованно глянул на собеседника Вахитов.

– В общем и целом, картина такова, – начал Гуров. – Вороновы явно положили глаз на водочный заводик и решили прибрать его к рукам. Но для этого им надо было отодвинуть владельцев завода. Как именно? Что называется, поговорить с ними. Разговор, как я понимаю, был серьезным – коль сразу три компаньона почти моментально уступили свои акции Воронову. А вот четвертый компаньон, судя по всему, оказался парнем упрямым и заартачился. И тогда Вороновы ре-

шили его убраться. Автомобильный наезд – самый простой для этого способ. Находишь человека, осыпашь его золотым дождем, растолковываешь, что именно ему следует сделать, гарантируешь, что долго в тюрьме он не просидит, предупреждаешь, чтобы он держал рот на замке, иначе вместо золотого дождя он схлопочет нож в спину – и дело, считай, сделано. А когда дело действительно будет сделано, этот человек по уговору должен явиться с повинной в полицию и изобразить раскаяние. Ну, чтобы майор Вахитов не рыл землю, а удовлетворился этим раскаянием... И как тебе мои дедуктивные способности? Впечатляют?

– Честно сказать, не очень, – улыбнулся Вахитов.

– Это почему же? – с деланой обидой поинтересовался Гуров.

– Потому что я и сам пришел к таким же выводам.

– Стало быть, мы оба с тобой – дедуктивные гении! – рассмеялся Лев Иванович. – Кстати, о твоём агенте. Вывел из игры ты его, надеюсь, удачно?

– Да, – коротко ответил майор.

– А как поживает этот раскаявшийся грешник?

– Ты о шофере, который сбил четвертого компаньона? А он пропал.

– Это как так? – искренне удивился Гуров.

– А вот так, – пожал плечами Вахитов. – Поспешно и за смешную цену продал свою квартирку и исчез в неизвестном направлении.

– Вместе с семьей? – решил уточнить Гуров.

– У него не было семьи.

– Так, так... – в раздумье проговорил Лев Иванович. – Конечно, у него не было семьи. Семья – это лишние свидетели... В общем, сработано профессионально. Ну а ты не пробовал его искать?

– Пробовал, – признался Вахитов. – И среди мертвых, и среди живых. Но не нашел ни там, ни там. Это если говорить коротко. А если тебе нужны подробности...

– Пока не нужны, – сказал Гуров.

– Тогда у меня к тебе вопрос, – сказал майор. – Скажи, ты тоже подозреваешь Воронова?

– И да, и нет, – ответил Лев Иванович. – Понимаешь, в деле слишком мало доказательств против него.

– А угроза убийством?

– Угрожать еще не значит убить, – пожал плечами Гуров.

– В общем, да, – согласился Вахитов.

– Совсем забыл спросить, – спохватился Лев Иванович. –

Ты ничего не сказал о дочери Вороновых...

– А что дочь? – развел руками майор. – Дочь как дочь. Молодая, красивая... Учится в ваших московских академиях. Где именно, не интересовался. Да и какая разница? Хотя...

– Что? – подстегнул Гуров.

– Странная она какая-то, – неуверенно сказал Вахитов. – Непонятная... Сынок – он весь на виду. А эта будто в тени.

Хотя, может быть, потому, что еще молодая. Вот подрастет, оперится, и уж тогда... Охо-хо... Ну, так что думаешь предпринять? Если, конечно, не секрет... Будешь копать под Вороновых? А что, даже интересно... Ты – из Москвы, у тебя развязаны руки.

– А у тебя они что же, связаны? – в упор глянул на майора Гуров.

– В общем, нет, – нехотя ответил Вахитов. – Маши сколько хочешь... Вот только толку от того махания нет никакого. А в общем, долго объяснять.

– Да и без объяснений понятно, – сказал Гуров. – Кстати, а кто у тебя работает по убийству?

– Опер Лежаков и участковый Курятников, – ответил Вахитов.

– Нормальные ребята?

– В компрометирующих связях не замечены, – усмехнулся майор. – Энергичные, цепкие. Так что, если надо, они тебе помогут.

– А ты – поможешь? – в упор глянул на Вахитова Гуров.

Майор ничего не ответил, и хорошо, что не ответил. Если бы ответил, да еще многословно, с уверениями и клятвами, Гуров ему не поверил бы. А так – поверил: поможет. Молчаливое обещание гораздо честнее и надежнее многословного. Это – истина, с которой Гуров соприкасался неоднократно.

– Тогда так, – сказал Лев Иванович. – Пускай твои ребята к Вороновым пока не суются, а работают по другим верси-

ям. Ведь хочешь или не хочешь, а надо отрабатывать и их. Например...

Он не закончил, потому что Вахитов рассмеялся. Вслед за ним рассмеялся и Гуров. Они, Гуров и Вахитов, понимали друг друга без слов. И это было замечательно.

– А я тем временем хотел бы побывать на месте, – сказал Лев Иванович. – Да, в Антоновой Балке. А если меня будет сопровождать твой опер... ты сказал, его фамилия Лежаков?.. Так вот, если меня будет сопровождать твой Лежаков, то и вовсе отлично.

– Будет, – заверил Вахитов. – Куда он денется... – Он встал, приоткрыл дверь кабинета и крикнул: – Михайлыч, душа из тебя винтом – разыщи мне Лежакова! И срочно ко мне! Скажи, что... да ты и сам знаешь, что сказать. И что с того, что выходной? У меня вот тоже выходной, а я на рабочем месте. В общем, ты понял. Жду.

– Сейчас будет, – заверил майор. – Попробовал бы он не быть...

– Дисциплина у тебя – железная! – с лукавым восхищением произнес Гуров.

– А то!

Для поездки в Антонову Балку Вахитов выделил Гурову служебную машину. За рулем сидел Семен Лежаков. По пути познакомились и разговорились.

– Всю официальную часть, связанную с убийством, мне доложили в подробностях в районном отделении, – сказал Лев Иванович Лежакову. – А от тебя мне бы хотелось услышать что-нибудь неофициальное. Ну, что-то такое, что осталось у тебя в душе и о чем ты не сообщил начальству. Только не говори, что ничего особенного у тебя нет! Есть, я знаю!

– А если и есть, что с того? – с долей иронии поинтересовался Лежаков.

– Ну, так расскажи, – попросил Гуров.

– Так вы тоже вроде как начальник, – усмехнулся Семен. – Своему начальству я, допустим, не рассказал, а вам возьми и расскажи. Нелогично как-то получается, товарищ московский полковник.

Лежаков Гурову также понравился с первого же взгляда, как и его начальник Вахитов. Этот Лежаков, даром что молодой, не испытывал перед Гуровым никакой робости, не силился казаться лучше, чем он есть на самом деле, – словом, был самим собою. И это было замечательно, потому что Гуров знал, с кем имеет дело, и, соответственно, прекрасно понимал, как себя с Лежаковым вести. «Все они здесь такие,

что ли? – подумалось Гурову. – Просто какой-то девственный заповедник, а не кусок России!»

– Да какой я тебе начальник, – усмехнулся Лев Иванович. – Я такой же опер, как и ты. А звание... да и черт с ними, с этими званиями! Разве дело в них? А потому забудь про мое звание и зови меня запросто – Лев Иванович.

– Лежит у меня на душе тяжкая оперативная тайна, – после некоторых раздумий сказал Лежаков. – Лежит, проклятая, и терзает мне душу...

– Начало многообещающее, – улыбнулся Гуров.

– А продолжение будет еще интереснее, – пообещал Семен. – Дурак я, вот что.

– Неужели? – не поверил Лев Иванович.

– Точно. И Васька Курятников... антоновский участковый, то есть... тоже дурак. Получается – два дурака. Я – потому что вовремя не догадался у него спросить, а он – потому что не додумался мне рассказать. Вот и рассудите – разве не дураки?

– Да о чем речь-то? – с искренним интересом спросил Лев Иванович.

– Об убийстве, о чем же еще... А вернее, об убитом.

– Ну-ка, ну-ка...

– Да дело-то простое... Вот смотрите, что получается. Убитый – человек не местный. Так?

– Ну так, – согласился Гуров.

– А коль он не местный, то, значит, никакой собственной

крыши над головой у него в Антоновке нет. Правильно?

– Правильно, – снова согласился Лев Иванович, хотя пока и не понимал, к чему Лежаков ведет.

– А ночевать-то ему где-то надо или нет?

– Наверно, надо... – осторожно предположил Гуров.

– Вот! А где он, по-вашему, может переночевать в Антоновой Балке?

– Да где угодно... Например, в каком-нибудь сарайчике или, допустим, под той же ивой, где его и нашли убитым. На дворе-то – лето.

– Ну, это вряд ли, – не согласился Семен Лежаков. – На дворе-то, конечно, лето, но ведь роса. А от нее так вымокнешь и озябнешь, что – мама не горюй! Даром что июль. Вот я и подумал: а где же он ночевал, убитый-то? Конечно, могло статься, что и нигде. А как только он вошел в Антонову Балку, так сразу же его обухом по голове... Пришел, значит, к Вороновым, сцепился с ними, они его вышвырнули, накостыляли ему – и того... Но ведь так не может быть? А, Лев Иванович? Версия же просто невероятная! Тем более что убили его через сутки после конфликта. Ну так где-то эти сутки он обретался! Под чьей-то крышей. Не собака же он бездомная! Это собаке не нужна крыша, а человеку – требуется.

– Да, наверно, – согласился Гуров. – Ну, может, он попросился к кому-то на ночлег.

– Э нет! К кому-то – слово неправильное! Не к кому-то, а

к одной конкретной особе! Об этом мне и сказал Васька Курятников... ну, участковый... когда я позвонил ему нынешней ночью. Меня осенило, я и позвонил. Антоновский народ простой и недоверчивый, сказал мне Васька, и абы кого на ночлег к себе не пустит. Тем более – по виду бродягу! И только одна особа во всей Антоновой Балке согласилась бы приютить кого угодно, хотя бы и этого бродягу! Только одна! Стало быть, если убитый и провел где-то ночь, то только у нее! А уж Васька Курятников эту особу знает как облупленную! – выпалил Семен Лежаков и перевел дух.

– Продолжай! – энергично взмахнул рукой Гуров. Кажется, он начинал понимать, к чему клонит молодой оперуполномоченный.

– Ну и вот... А коль он там ночевал, то, стало быть, с кем-то и о чем-то говорил. Общался, так сказать. Быть того не может, чтобы не общался... Например, с хозяйкой или еще с кем-то. Ну а коль общался, то мог что-то поведать и о себе. Кто он такой, для чего прибыл в Антонову Балку и так далее... Более того! Там-то он мог зацепить и своего убийцу. Знаете, как оно бывает? Слово за слово, ты – мне, я – тебе, и вот он уже и конфликт. А где конфликт, там и до убийства рукой подать. Особенно если по пьяному делу.

– А что, в том постоялом дворе и пьяное дело существует? – поинтересовался Гуров.

– То-то и оно! Та особа, о которой я веду речь, одинокая старуха. Со слов участкового, самогонщица. Ну и, кроме то-

го, пускает к себе на ночлег за долю малую... Всяких пускает – и пришлых, если таковые случаются, и своих, антоновских. Никакой гостиницы в деревне, понятное дело, нет – вот она и есть гостиница. А к тому же самогон у нее. Все местные пьющие мужики у нее обретаются и даже, бывает, ночуют. Какой-никакой, а старушке приработок. А на самом-то деле настоящий притон – вот что я скажу! Обо всем этом мне и поведал сегодня ночью Васька Курятников. Что ж ты ничего не сказал мне раньше? – спрашиваю я. Ведь мы с тобой вчера целый день бороздили деревню вдоль и поперек в поисках свидетелей! А свидетели-то – вот они, рядом! Забыл, отвечает. Дурак, говорю я ему. Сам дурак, отвечает. Мог бы и спросить у меня насчет притона.

– Получается – целых два дурака! – весело рассмеялся Гуров.

– Вот я и говорю, – горестно подтвердил Семен. – Но ведь и это еще не все!

– Ну да? – не поверил Лев Иванович.

– Точно... Мне бы, по-хорошему, сегодня нагрязнать в этот деревенский притон и произвести там расследование по полной программе, а – не могу! Верней, конечно, могу, но толку от того не будет никакого!

– Это почему же? – поинтересовался Гуров.

– Да по простой причине. Потому что эта чертова старуха ничего мне не скажет. Умрет под пытками – а все равно не скажет!

– И в чем же причина? – поинтересовался Лев Иванович.

– В первую очередь – в участковом. Он, видите ли, пребывает с этой старухой в контрах по причине самогоноварения и содержания притона. И она на него за это в обиде. А значит, ничего ему не скажет – назло. Ну, и мне заодно не скажет, потому что вчера я целый день бродил по деревне чуть ли не в обнимку с участковым. Народ, конечно, нас видел, ну, и эта проклятая бабуля тоже, наверно, видела. А значит, и мне она ничего не скажет – тоже назло за то, что я якшался с Васькой Курятниковым.

– Ну а как зовут эту зловредную бабулю? – спросил он.

– Макаровой, – нехотя ответил Лежаков. – То есть полное ее имя – Елизавета Макаровна Евдокимова. Вредная старушка! Ехидная! И вот как мне быть – ума не приложу. Похорошему, ее надо бы допросить с пристрастием, да ведь, говорю, ничегошеньки не скажет.

– Ну а я на что? – спросил Гуров. – Меня-то пока в присутствии участкового никто не замечал.

– А и то верно! – обрадовался Лежаков. – Вот, значит, вы к ней и ступайте. А я побуду в сторонке где-нибудь на околице. А уж потом встретимся и обсудим, что к чему.

– Задание понял! – отрапортовал Гуров. – А только как я ее найду, эту Макаровну?

– А очень просто, – сказал Семен и стал пояснять: – Пойдете вдоль по улице, и у первого встречного спросите – а где здесь живет Макаровна? Вам и покажут. А если спросят

зачем, то скажите, что насчет самогону. Тогда у народа не останется никаких подозрений насчет вашей персоны. Потому что понятно: человек ищет, где бы ему опохмелиться. А где же еще, как не у Макаровны?

Приехали. На околице деревни их встретил тот самый участковый Василий Курятников, которого Вахитов, оказываясь, тоже поднял по тревоге и быстрым аллюром направил в Антонову Балку встречать Гурова. Поздоровались, коротко представились. Как договорились, так и решили действовать. Лежаков с Курятниковым остались на околице, а Гуров отправился вдоль по улице искать старуху Макаровну. И действительно, первый же встреченный деревенский мужик указал Гурову точные координаты самогонщицы. Правда, какие-то остаточные сомнения относительно личности Гурова у мужика все же остались, потому что, когда Гуров поблагодарил и удалился от мужика на целых, наверно, восемьдесят метров, тот по-прежнему смотрел ему вслед, не двигаясь с места. Ну да это, конечно, пустяки, проистекающие из особенностей деревенской психологии: народ в Антоновой Балке, как Гурову уже было известно, проживал недоверчивый.

– Ау, хозяйева! – окликнул Гуров, подойдя к калитке дома, в котором обитала старуха Макаровна. Пока ждал отклика, осмотрелся. Дом не слишком ухоженный: забор покосился, калитка висела на одной петле, в отдалении стоял скособоженный сарай, на огороде бурьян... Да оно и понятно: в доме проживала одинокая старуха и кто ей поможет управляться с

хозяйством? У всякого в деревне и своих нужд, как известно, поверх головы. А может, все дело было и не в отсутствии помощников по уходу за хозяйством, а в образе жизни самой Макаровны. Содержать притон – дело трудное, хлопотное само по себе, тут уж не до калитки и не до бурьяна на огороде.

– Хозяева! – не дождавшись ответа, повторно окликнул Лев Иванович.

И на этот раз не безуспешно. На зов Гурова из сеней на крылечко выкатилась кругленькая, упитанная благообразная старушка, увидев которую сыщик даже рот разинул от невольного удивления. «Вот тебе и самогонщица, вот тебе и содержательница притона!» – подумал он. Уж кого-кого, а всяких содержателей и содержательниц притонов Лев Иванович за долгие годы работы сыщиком навидался немало. И никто из них не был даже близко похож на старушку Макаровну! По внешнему виду не зловредной старушенцией была эта самая Макаровна, а просто-таки пряничной бабушкой из детской сказки! Впрочем, из всякого правила бывают исключения, так почему бы старушке Макаровне как раз и не быть таким исключением? Так размышлял Гуров, разглядывая старушку, а о чем размышляла старушка, разглядывая Льва Ивановича, никому ведомо не было, кроме, конечно, самой старушки.

– А что тебе надо? – спросила старушка у Гурова.

– Елизавету Макаровну Евдокимову мне надо, – ответил

сыщик.

– А для чего? – поинтересовалась старушка.

– Разговор у меня к ней есть, – сказал Гуров. – Серьезный.

– А о чем?

– Из социальной службы я, – сочинил на ходу Лев Иванович. – Езжу вот по деревням, беседую со стариками. Может, чем-то помочь надо...

– Из района, что ли? – продолжала допытываться старуха.

– Нет, – торопливо сказал Гуров, – не из района. Аж из самой области.

– То-то я смотрю – не видала я тебя в районе. А я-то там, считай, всех знаю. А твоя личность мне незнакомая...

«Ух! – обрадовался в душе Гуров. – Это я удачно приврал! Скажи, что я из района, – разговор вряд ли состоялся бы. Макаровна тут же меня бы изобличила и с позором изгнала!»

– Так могу ли я видеть Елизавету Макаровну? – спросил сыщик.

– Я самая она и есть. Входи в калитку.

Гуров вошел и приблизился к крыльцу. Макаровна молча сделала знак рукой – заходи, мол, в дом. На крыльце какие могут быть разговоры?

Войдя в дом, Гуров и тут первым делом осмотрелся. Он, конечно, не так часто бывал в исконно крестьянских домах, но тем не менее общее представление об их устройстве и интерьере все же имел. И, по мнению Льва Ивановича, дом старушки ничем не отличался от представления Гурова о кре-

стьянских домах. Все было чистенько, аккуратненько и от этого покойно и уютно. Ну просто ни с какого боку это жилище не походило на притон!

– Значит, вы и есть Евдокимова Елизавета Макаровна? – спросил он.

– Да ты уже вроде как бы об этом спрашивал... – с удивлением глянула на него старуха. – Или забыл? Что ж ты так быстро забываешь? Али ты не начальник? Начальники, они все помнят!

– Да я-то помню, – улыбнулся радужной улыбкой Гуров. – Это я так, для уточнения.

– А чего тут уточнять? – Похоже, старуха Макаровна все еще испытывала по отношению к Гурову некоторое сомнение и даже, может быть, подозрение по поводу его загадочной личности. Явился, видите ли, незнамо кто и незнамо откуда, задает вопросы и тут же их забывает... – Чего тут, спрашиваю, уточнять? Как будто я за это время из Елизаветы Макаровны могла превратиться в какую-нибудь Матрену Федотовну! Плохой ты начальник, коль сразу забываешь! Начальник – он должен быть внимательным! К тому же сегодня – воскресенье, выходной, стало быть, день. А ты вот взял да и приехал... Да где же это видано, чтобы начальство по выходным дням трудилось? Ему-то, начальству, полагается в выходные отдыхать. Вот, к примеру, как наши дачники. А они-то все сплошь начальники! Как только выходной или, буду говорить, какой-нибудь праздник, так они сразу же и

наезжают. И хоть бы тебе палец о палец! Выставит пузо и лежит целый день на солнышке. Или – с удочкой на реке. А то еще – бродят с задумчивым видом по лесу или по лу-гу. Я, говорит, общаюсь с природой... А вот ты отчего не ле-жишь кверху пузом да не бродишь, коль выходной день? А вот взял – да и приехал...

«Эк, говорливая какая!» – весело подумал Гуров.

– Времени не хватает, бабушка, – тяжело вздохнул он. – Вот просто-таки ужасная нехватка времени! Не успеваю! Вас, стариков, много, и деревень тоже много, а нас, началь-ства, мало... Вот и приходится работать по выходным дням. Ничего не поделаешь!

– Это вас-то, начальства, мало? – старуха Макаровна усомнилась и в этих словах Гурова. – А то я не бывала в ваших кабинетах и не видела, сколько вас там. Прямо-таки не помещаетесь в своих кабинетах! Чуть ли не на головах друг у друга сидите!

Но старуха произнесла эти свои слова уже не таким осудительным тоном. Похоже было, что она приняла последние оправдания Гурова за чистую монету, и в ее настроении возник некий перелом, что Гурову было на руку.

– Вкусно же у вас пахнет, Елизавета Макаровна! – воскликнул он. – Вроде как бы пирогами. Я угадал?

– Ну, так утром испекла, оттого и пахнут, – проворчала старуха. – Отчего же им не пахнуть, коль они – пироги? Разве могут пироги не пахнуть?

– Вроде как пирог с черникой, – принялся Гуров. – А другой – с грибами. Точно?

– Да, – согласилась Макаровна. – И с черникой, и с грибами. Да ты сам откуда знаешь-то? Ведь ты городской. Разве городские понимают в пирогах?

– Жена у меня просто мастерица по части выпечки! – сообщил Лев Иванович. – Распрекрасные пироги печет! По собственным рецептам. Оттого и знаю.

– Да неужто? – поразилась Макаровна. – Надо же! Городская – и знает толк в пирогах... А все равно – наши-то пироги лучше ваших. Бывала я у вас в городе и ходила по вашим базарам. Разве там черника, на ваших-то базарах? А у нас – ягодка к ягодке, будто жемчужины. Ступай в лес да бери.

– Это точно, – согласился Гуров. – Вот даже запах у ваших пирогов и тот другой. А все равно – если подойти умеючи и с душой, то и из веника суп можно сварить.

– Оно и правда, – охотно согласилась Макаровна. – Да ты попробуй моих пирожков, мил человек! А потом и сравнишь – чьи лучше. Я так думаю, что мои. Потому что где же вашим городским пирогам сравниться с нашими, деревенскими? Хотя их и печет твоя жена. Вот я сейчас...

Старуха засуетилась и принялась накрывать на стол. Скоро на столе появились две глубокие миски с пирогами, а еще – глиняный кувшин с каким-то напитком и рядом с ним – большая кружка.

– Вот, – повела рукой Макаровна. – Эти – с черникой, а

эти, стало быть, с грибами. А в кувшине – компот из брусники. Присаживайся к столу, да и заодно поговорим. За пустым столом – какие же разговоры?

Гуров охотно выполнил просьбу старухи. Пирог и впрямь были замечательные – ничуть не хуже тех, которые пекла его жена. А брусничный компот – просто прелесть, такого компота Лев Иванович не пробовал за всю свою жизнь.

– Вот так прямо взял бы и поселился бы у вас на всю жизнь, – сообщил сыщик старухе. – И все ради ваших пирогов и компота.

– А ты возьми да и поселись, – поддакнула старуха. – Да только где вам, городским. Не привыкшие вы к нашей деревенской жизни.

Кажется, она совсем перестала испытывать к Гурову недоверие. И все из-за пирогов, которые тот нахваливал. А какой хозяйке может не понравиться, когда нахваливают ее стряпню?

– Тяжело вам живется, бабушка? – спросил Гуров, дожидывая кусок пирога.

– Так это когда как, – покачала головой Макаровна. – По-всякому бывает... Будто не знаешь. А должен знать, коль начальник.

– Знаю, Елизавета Макаровна, – поспешно отозвался Гуров. – Как не знать. А только у каждого свои беды. Оттого и спрашиваю.

– Оно так, – согласилась старуха. – У всякого они свои,

беды-то. А уж мои беды – и-и-и-и...

– А что такое? – поинтересовался Лев Иванович. – Может, вас кто-нибудь обижает? Так вы скажите!

– А можно сказать, что и так, – горестно сообщила старуха. – Одинокая я, и помочь-то мне совсем некому. А вот чтобы обидеть – охотники находятся.

– А кто? – напористо поинтересовался Гуров. – И по каким таким причинам? Вы мне скажите, а уж я там разберусь, в городе. По кабинетам, если надо, пройду. К самому прокурору обращаюсь!

Старуха какое-то время молчала, будто бы хотела что-то сказать, да не решалась. Но затем, видимо, желание поквитаться с обидчиками взяло верх. Да и как ему не возникнуть, такому желанию? Не каждый день в дом является такой добрый начальник – который и пироги трескает с охотой, и помочь не отказывается! Уж такой-то момент упускать – грех!

– А хоть бы взять нашего участкового Ваську Курятникова! – пожаловалась Макаровна. – Как есть злыдень! И все-то он меня ругает, все-то страшит... Собаку мою грозился застрелить, так она с испугу убежала и вот уже третью неделю не показывается... Хорошая собачка, Бобиком звать. Рябенькая, одно ухо надкусано... Может, где-нибудь встречал?

– Нет, – покачал головой Гуров.

– Жаль... Так и пропала собачка. А в деревне без собаки разве жизнь?

– А за что все же он вас ругает, этот ваш участковый?

– А можно так сказать, что и ни за что. Вот как есть, ни за что. Зазря. Уж такой он взбалмошной человек, этот Васька Курятников. Все бы ему ругать да стращать... Нет чтобы по-человечески – вот вроде как вы. Куда там! Вот как зайдет, так прямо и начинает с порога. А собачка-то на него строжится. А он на нее: цыть, а то застрелю. Ну, она с испугу и подалась в неведомые края...

– Но ведь не может быть, чтобы вот так, совсем без причины... – осторожно предположил Гуров.

– Да причина-то известная...

Старуха помолчала, соображая, что следует сообщить участливому начальнику, а чего, наоборот, не следует ни под каким видом. По всему выходило, что о самогоне сообщать ему никак не надо. Начальник-то, конечно, человек участливый, да ведь самогон – он такое дело... Двусмысленное дело, короче говоря. А обо всем прочем – почему бы и не рассказать? Может, этот начальник и впрямь отвадит этого егозу Ваську Курятникова от дома. И то хорошо.

– Причина-то известная, – еще раз сказала Макаровна. – Вот, говорит, всякий разный народ у тебя собирается. Ну, бывает, приходит кое-кто. Так ведь я – старуха одинокая, а они, которые приходят, и подсобят в чем-нибудь по хозяйству. А коль подсобят, то, стало быть, и угостить их надо. Какой же в том грех?

– Да вроде никакого, – с той же осторожностью выразился Гуров.

– Ну и я о том же... А то, бывает, кто-нибудь у меня и заночует. Другие не пускают, а мне – отчего не пустить? Ну, понятно, кто-то и денежку мне сунет, за ночлег-то да за доброту мою. А я и не отказываюсь от той денежки. Коль она за доброту, то опять же какой в том грех?

– Полностью согласен, – решительно произнес Гуров. – Коль за доброту – то можно. Да вот только...

– А что такое? – встревоженно спросила старуха.

– Всякие люди, наверное, попадаются среди ваших постояльцев. Один человек – добрый, а другой может быть и злой. Или – какой-нибудь бродяга с дальних краев. И поди разбери, что у него за душой, у того бродяги.

Понятное дело, Гуров не зря произносил слова о бродяге. Он был как стрелок, который выжидал момента, чтобы попасть в цель. И он в нее попал – в самое яблочко.

– И не говори, мил человек! – горестно сказала старуха. – Так оно и вышло! Уж как я не хотела его пускать – будто что-то чуяла! Да не удержалась. А как тут удержаться, коль он мне заплатил наперед? Я, говорит, человек тихий, а ты приюти меня на две или три ночи. Ну, и накорми чем-нибудь. А я, говорит, потом еще тебе дам денег – много. И как тут удержаться при моей-то бедности? Ну, и пустила... Да только не впрок пошла мне моя доброта на этот раз. Ой, не впрок!

– А что такое? – с высшей степенью участливости поинтересовался Гуров.

– Да неужто не слышал? – удивилась старуха. – Ведь уби-

ли-то моего постояльца! Аккурат утром в четверг, под старой ивой, что на околице!

– Да слышать-то я слышал. Сообщили люди. А только я не знал, что он был вашим квартирантом.

– В том-то моя и беда, что был! И вот теперь я думаю, что же со мной будет? А вдруг посадят? Ведь смертоубийство! А что? Придет этот несусветный паразит Васька Курятников и заарестует! По моим расчетам, он давно уже должен был явиться, да чего-то его нет. Должно быть, подкрадывается.

– Да ведь не вы же его убили, – с подчеркнутым спокойствием проговорил Гуров и пожал плечами.

– Да что ты такое говоришь, мил человек! – замахала руками Макаровна. – Мое-то здесь дело – никакое! Только и было, что человек, которого убили, ночевал у меня две ночи! Ну и столовался, конечно. А потом его и убили, да ведь и не в моем доме, а за околицей. Да вот только поди объясни это Ваське Курятникову! Потому что он как есть охламон и нехристь! Придет и заарестует.

– Ну, это вряд ли, – успокаивающим тоном произнес Лев Иванович. – Как это так – заарестует? Это будет не по закону. Но, с другой стороны... – Здесь Гуров сделал многозначительную паузу. – С другой-то стороны – дело и впрямь нехорошее. Не арестует полиция, так соседи станут судачить. Вот, мол, погубила человека эта Макаровна... Ведь люди – они такие. Им-то рты не заслонишь.

– Ой, правда твоя! – сокрушенно проговорила старуха. –

Как есть ты прав! Да только что же мне делать? Сынок, а может, ты поможешь мне в моей беде? Уж я как-нибудь отблагодарю!

– Да помочь-то, наверное, можно, – в раздумье сказал Гуров. – Только я должен знать в подробностях, что и как. То есть кем был этот ваш квартирант, откуда прибыл, зачем, с кем он тут общался, по какому поводу... Вы меня понимаете, Елизавета Макаровна? Во всех подробностях! Чтобы я мог отстоять вас перед участковым, да и вообще перед кем бы то ни было.

– Ну... – нерешительно произнесла старуха. – Коли оно так...

И принялась рассказывать, а Гуров слушал и мотал на ус.

Незнакомец появился у калитки дома Макаровны ближе к вечеру. Было это еще на прошлой неделе и, кажись, в четверг... ну да, именно в четверг. То есть пробыл незнакомец в деревне, начиная со своего появления и заканчивая своей смертью, ровно неделю – получается так.

– Старуха Макаровна не здесь ли проживает? – спросил незнакомец. Говор у него был странный, трескучий, будто горохом об стену, да и выговор тоже нездешний. И сам он был похож на бродягу: небритый, в запыленной рубаше.

– Ну, я та самая Макаровна, – ответила старуха. Она как раз находилась во дворе, чем-то занималась по хозяйству.

– А тогда не позволите ли войти в калитку? – поинтересовался незнакомец. – Разговор имеется.

– А ты кто же такой будешь? – завела свою обычную подозрительную шарманку Макаровна. – Вроде как и не антоновский. Антоновских-то знаю наперечет.

– Издалека, бабуля! – рассмеялся незнакомец. – Ты даже представить себе не можешь, как далеко находится мой родимый дом! Да... Ну, приглашай в гости, чего застыла, как старая колокольня?

– А кто ты такой, чтобы гостевать у меня? – еще с большим недоверием выразилась Макаровна. – Много вас ходит – всяких...

– Говорят, что ты пускаешь постояльцев, – весело произнес незнакомец. – На полный пансион. Ну, так я и есть постоялец. Со всеми вытекающими для тебя приятными последствиями.

– Может, кого-то и пускаю, – осторожно обмолвилась старуха. – Да не всех...

– А что ж так? – улыбнулся незнакомец.

– Так ведь всякие бывают люди-то. И лиходеи, и разбойники...

– Это точно, – согласился незнакомец. – Еще как бывают! Но на этот раз тебе, бабуля, очень повезло! Потому как я – человек беззлобный и мирный. Так что меня ты не бойся. Я – не беда, я – твое счастье! А чтобы ты не сомневалась – на тебе!

Незнакомец сунул руку в карман и вытащил оттуда горсть смятых купюр.

– Вот, – сказал он, – возьми за постой. Это, так сказать, предоплата. А когда буду съезжать, то, бог даст, добавлю еще! Потому что скоро буду богатым! Прямо-таки на днях! На роду мне так написано, бабуля! Так что не сомневайся!

Старуха покосилась на деньги в руке незнакомца. Даже издалека купюр казалось много – гораздо больше, чем обычно платили Макаровне другие постояльцы.

– Бери, что на них глядеть! – рассмеялся незнакомец. – И накорми, чем придется. Да и в баньке попариться не худо бы, и рубашонку простирнуть – с дороги я.

Ну и что оставалось делать бедной Макаровне? Она отворила калитку, приняла из рук незнакомца купюры и впустила во двор. А заодно и пригляделась к своему новому квартиранту. Мужиком он казался неопасным, да к тому же и немолодым – лет, быть может, пятидесяти, а в таком-то возрасте разве можно быть разбойником? «И чего это он шастает по белу свету? – невольно подумалось Макаровне. – Ведь не мальчик...» Ну, да какое ей было дело? Разные бывают надобности у людей.

– А звать-то тебя как? – решила уточнить Макаровна у гостя. – Ну, чтобы знать, как к тебе обращаться.

– Звать меня так же, как прописано в моем паспорте, – с прежней веселостью ответил незнакомец. – Могу показать и паспорт – чтобы у тебя, бабуля, развеялись последние сомнения относительно моей персоны. Вот, возьми и прочитай.

Старуха недоверчиво приняла паспорт, открыла его на первой странице и прочитала: Пантелеев Алексей Васильевич. Она накрепко запомнила это имя, а чуть позднее записала его на бумажке. Мало ли что, а вдруг – пригодится. Там же, в паспорте, имелась и фотография мужчины, похожего на самого квартиранта. Старуха перевела дух и вернула паспорт квартиранту. «Вроде он и не бродяга, – с облегчением подумала она. – Какой же он бродяга, если у него паспорт? У бродяг-то паспортов не бывает! А просто, видать, путешествует человек по делам. Пока человек живой, у него всегда найдутся дела».

Вечером к Макаровне нагрянули и другие гости – сразу два человека. Причем аккурат к ужину. Хотя и гостями-то их называть не приходилось. Это были два местных забулдыжника – Мишка Кряк и Виталья Безухий. Да и явились они все не к Макаровне, а знакомиться с ее постояльцем. Здесь был расчет. Коль у Макаровны квартирант, значит, она, наверно, будет кормить его ужином и поить самогоном. Без самогона что и за ужин? А коль так, то и самим забулдыжным мужичкам перепадет стакан-другой. Выпить за знакомство с новым гостем – святое дело!

Понятно, что Макаровна не стала при новом квартиранте гнать непрошенных гостей с порога и до калитки, а, наоборот, пригласила их к столу – хотя и неохотно. В печенках они у нее сидели, этот Мишка Кряк вместе с Виталькой Безухим. Но поскольку в доме находился постоялец, приходилось блюсти приличия. Так сказать, проходите, гости дорогие...

Они и прошли. Пожали руку Пантелееву, познакомились, присели за стол, постоялец им налил. Словом, все как полагается. А коль так, то вскоре завязалась и беседа. Не то чтобы Макаровна специально прислушивалась к той беседе, но все же большую ее часть слышала, потому что, будучи в своем доме, вынуждена была слушать.

Большой частью говорил постоялец. Да и то не говорил, а все расспрашивал. О житье в Антоновой Балке, о здешних порядках, о людях, а подробнее всего – о дачниках. Отче-

го-то именно дачники интересовали его, а больше всего – Вороновы. Кто они, как живут-поживают, богатые ли, шибко ли злобные... Отчего именно Вороновы? А кто ж его знает отчего. Наверное, был у этого Алексея Пантелеева к Вороновым какой-то свой, особый интерес. А может, расспрашивал он из простого любопытства – опять же кто может знать? Но все Вороновы да Вороновы – уж это Макаровна запомнила.

Мишка Кряк и Виталька Безухий, конечно, отвечали. Да, стало быть, есть в деревне такие дачники – Вороновы. В будние дни они обычно на даче не бывают, а вот по праздникам и выходным наезжают частенько. Хорошие ли они люди? Ну, это как сказать... Бывает, что нанимают они деревенских на работу, касающуюся дачного хозяйства, но рассчитываются скупно и безрадостно. Стало быть, нехорошие людишки. Богатые ли? Ну а дачку-то ты их неужели не видел? Разве может у бедного человека быть такая роскошная дача? И говорить не о чем! Конечно, богатые! Кто из них кто? Глава семейства – депутат, супруга – городской мэр, сынок – предприниматель. Есть еще и дочь, но о ней и говорить-то не угадаешь, что и как. Будто она проживает на отшибе, а не в семействе. Есть – и все тут, а больше ничего и не скажешь.

– Значит, – уточнил квартирант Макаровны, – они всегда приезжают на дачу по выходным? Именно так я вас и должен понимать, застольные мои братья?

– Ну да, – единогласно подтвердили Мишка Кряк и Виталька Безухий.

– Что ж, подождем, – загадочно произнес постоялец и больше в этот вечер на тему о Вороновых не заговаривал.

До субботы квартирант почти никуда не выходил из дома Макаровны. Разве что выйдет за калитку, постоит в задумчивости, посмотрит налево-направо да еще куда-то ввысь и вдаль и опять возвращается в дом, а возвратившись, приляжет на кровать, устанется в потолок и молчит. Макаровна та, конечно, то и дело пыталась заговаривать с квартирантом, потому что как оно так – жить в одном доме с человеком и не общаться с ним? В этих случаях квартирант оживлялся и вступал со старухой в беседы, но большей частью короткие и односложные. Вот, к примеру, однажды Макаровна его спросила:

– А из каких таких краев ты будешь, мил человек?

– Издалека, – коротко ответил квартирант. – Из Сибири.

– Ну и как там люди? Как живут, спрашиваю?

– По-разному живут... Как и везде.

Вот и весь разговор, – а какой же это, если разобраться, разговор? Одна маета, а не разговор. И со своими новыми деревенскими друзьями – Мишкой Кряком и Виталей Безухим – он также не желал общаться. Те, конечно, приходили по три раза на дню, но, завидев их, квартирант лишь раздраженно махал рукой: уходите, мол, не до вас. Мишка и Виталька какое-то время топтались у калитки, но затем все же уходили.

А в субботу, ближе к полудню, этот самый Алексей Пан-

телеев вдруг куда-то засобирался. И даже повеселел по этой самой причине.

– Ну, – сказал он Макаровне, – пожелай мне, бабуля, удачи. Потому что, коль будет мне удача, уж я тебя в обиде не оставлю. Озолочу!

Старуха ничего не поняла из таких сумбурных речей своего квартиранта, а только хмыкнула и поджала губы. А квартирант тотчас же ушел со двора.

Вернулся он часа через три. Ну, может, через четыре – молчаливый и хмурый. Ничего не говоря Макаровне, сел на крылечко, закурил. А потом всем же сказал несколько слов, но таких невнятных и смутных, что старуха опять-таки не поняла ничегошеньки.

– Все люди – суки! – сообщил он старухе. – Есть, конечно, отдельные святые индивидуумы вроде тебя, бабуля, но в основном суки! Ну, ничего! Есть у нас еще и второй тайм! И, может статься, даже третий! А накрой-ка ты мне, бабушка, стол! Да чтобы самогону было побольше! Да пригласи этих двух колдырей, которые по три раза на дню топчутся у калитки! Гуляем! А гулять одному – распоследнее дело! Таков, бабуля, наш сибирский закон! Да ты не опасайся – все оплачу сполна!

Пришлось старухе Макаровне соответствовать этому неведомому ей сибирскому закону, накрывать на стол, лезть в погреб за самогоном и звать Виталию с Мишкой. И загуляли мужики! Нет, никаких безобразий, конечно, не учиняли,

все было чинно, по-деревенски. Мишка и Виталька поддакивали квартиранту, но особо в разговор не вступали, а все больше налегали на выпивку и еду. Но Макаровна заметила, как один или два раза они многозначительно между собой переглянулись. Заметить-то она заметила, да только не придала этому значения. Пускай себе переглядываются, мало ли какие у людей тайны – даже у таких вахлаков, как Мишка с Виталей.

Гулянка закончилась ближе к полуночи. Когда Мишка и Виталя убрались восвояси, Макаровна принялась убирать со стола остатки пиршества. А квартирант вышел во двор, уселся на крыльцо и долго молча смотрел в ночное небо с яркими июльскими звездами на нем. А затем вернулся в дом и произнес еще одну загадочную для старухи фразу:

– Если врага не удалось взять приступом, его берут измором. Ничего, мы терпеливые, мы подождем, пока враг дрогнет... Я правильно говорю, бабуля?

– Угу, – сквозь стиснутые губы ответила Макаровна. Она ничегошеньки не понимала из того, что говорил ей постоялец, и решила, что так он говорит оттого, что пьян. Пьяный человек чего только не скажет.

На следующий день, в воскресенье, постоялец опять куда-то исчез со двора – прямо с раннего утра. А через два или три часа вернулся и уже никуда не уходил. Точно, не уходил – старуха это помнила превосходно, потому что вечером готовила квартиранту ужин. А разве она стала бы это делать, не

будь постояльца дома? Для кого тогда и готовить ужин-то? Для себя? Так она – старуха, много ли ей надо...

Что еще случилось в тот день, в воскресенье? А можно сказать, что ничего. Разве что ближе к вечеру пришли эти два обормота – Мишка Кряк да Виталька Безухий. Правда, никакой пьянки в тот вечер не было – ни-ни! Мишка с Виталькой посидели с квартирантом на крылечке, о чем-то коротко поговорили, да и ушли. О чем именно они говорили? Ну, старуха почти ничего из того разговора и не слышала – больно надо ей прислушиваться... Только один раз, проходя случайно мимо, услышала, как Мишка Кряк спрашивал у постояльца: а что, мол, ты еще не разбогател? «Еще нет, – ответил на то квартирант. – Но на днях разбогатею, это точно. Быть, дескать, того не может, чтобы они не согласились на мои условия!» – «А кто они-то», – спросил на это Мишка Кряк. На что квартирант ответил: «А это, мол, разлюбезный ты мой колдырь, не твоего ума дело». А вскоре Мишка с Виталей ушли, а говорили ли они еще что-нибудь перед уходом – того Макаровна не слышала.

Значит, тогда было воскресенье, за ним – понедельник, а уж потом наступил и вторник. И только во вторник вечером, когда уже совсем стемнело, Пантелеев куда-то отлучился. На этот раз он вернулся скоро, часа, наверное, через полтора, и в таком ужасном виде, что старуха прямо-таки вскрикнула и руками всплеснула. Одежда на нем была вся, как есть, испачкана и местами изодрана, лицо – в крови... А на губах

как будто застыла улыбка, и это была такая страшная улыбка, какую старуха не видела за всю свою жизнь – а уж она-то навидалась на своем веку разных улыбок!

– Ничего, бабуля, все это – пчелы! То есть, говорю, пустяки! – произнес он, все так же страшно улыбаясь. – Коль они так, то теперь для меня это дело принципа!

– Да ты хоть умойся да рубаху смени! – посоветовала старуха.

Квартирант послушно умылся, так же послушно сменил рубаху, затем подошел к Макаровне уже без своей страшной усмешки и сказал:

– Ты вот что, бабуля... Уж ты никому и ничего про весь этот маскарад не говори, ладно? – Он дотронулся до своего лица и указал на валявшуюся изодранную рубаху: – Это все – пустяки... трын-трава, иначе говоря. А уж я тебе за твое молчание и за твою добрую душу отвалю столько грошей, что ты золотые зубы себе на старости вставишь! На курорты поедешь! В общем – молчание... А я пока буду готовиться к третьему тайму...

Спрашивала ли Макаровна у постояльца, куда вечером во вторник он ходил и кто его так разукрасил? Нет, не спрашивала, хотя, конечно, спросить хотелось. Но она понимала – все равно он не скажет. А то еще и придушит Макаровну за такое ее неуместное любопытство. Эвон как он умеет страшно улыбаться...

Что было дальше? А вот что. На следующий день, в среду,

прямо с утра, квартирант стал тосковать и кручиниться.

– Очень может статься, – сообщил он Макаровне, – что ничего у меня из моей затеи не выйдет, вот что! Жила-то, конечно, золотиносная, да вот само золотишко в ней ой как глубоко расположено! Так что и не докопаешься! И уж как его при этом оберегают, не приведи и помилуй! И что мне делать, пока не знаю... И останется у меня из всех земных сокровищ только эта безделушка!

Тут квартирант расстегнул рубаху, и Макаровна увидела, что у него на шее на тоненьком шнурочке висит то ли медальончик, то ли кулончик, то ли брошка в виде маленькой рыбки из желтого металла.

– Вот такие у нас получаются дела, драгоценная ты моя бабуля! – сказал квартирант и застегнул рубаху.

Конечно, старуха ничего не уразумела и из этой речи – да она уже и не пыталась что-нибудь уразуметь. И насчет медальончика она также не может ничего сказать, тем более что и видела его лишь мельком. Она выслушала слова постояльца, в раздумье постояла и ушла по всяким хозяйственным делам.

А когда уже совсем стемнело, к постояльцу неожиданно явился Мишка Кряк – на этот раз один, без Витали Безухого. Мишка вызвал постояльца на крыльцо, и они о чем-то стали говорить. Должно быть, разговор был секретный, потому что старуха хоть и прислушивалась, но не уловила ни словечка.

А затем Мишка Кряк ушел. А вскоре, ничего старухе не

говоря, ушел и квартирант. И с той поры Макаровна его больше не видела. Нет, все же видела – убитого под старой ивой на околице. Нет, ну а что? Весь народ побежал смотреть, ну, и она тоже. Вот ведь какой страх-то, вот ведь ужас! Так неужто ее, Макаровну, теперь заарестуют – за такого-то сомнительного и непонятного квартиранта? Да ведь если бы знала, не пустила бы ни за какие деньги!

Внимательно выслушав рассказ Макаровны, Гуров поднялся из-за стола, всем своим видом показывая, что ему пора.

– Никак, уже уходишь, мил человек? – встревоженно спросила старуха. – А как же я? Мне-то как быть?

– А вы, Елизавета Макаровна, ничего не опасайтесь, – весело проговорил Лев Иванович. – Никто вас не арестует – уж я об этом позабочусь, где надо! – И он со строгим видом ткнул пальцем в потолок.

– Вот спасибочки! – просияла старуха. – А я уж о тебе Бога молить буду! И о твоей жене тоже! Я тебе тут пирожков приготовила в дорогу, ты уж не побрезгуй старухиным угощеньем! – И Макаровна протянула Гурову чистый полотняный мешочек, набитый пирогами.

– А вот за это, Елизавета Макаровна, отдельное вам спасибо! – искренне поблагодарил Гуров. – Прямо-таки низкий вам поклон, потому что пироги у вас просто замечательные!

Старуха проводила Гурова до самой калитки и долго еще смотрела ему вслед. «Ишь ты! – умиротворенно думала она. – И выслушал, и пироги не побрезгивал принять, и, главное, насчет самогона не попрекнул. Да и насчет квартирантов ничего не сказал – мол, бросай, старуха, это занятие! Добрый человек, по всему видать. Хоть и начальник аж из

самой области!»

... Оперуполномоченный Лежаков и участковый Курятников терпеливо поджидали Гурова в условленном месте.

– А вот и я, – сказал Лев Иванович, садясь в машину. – Жаждались? Проголодались? Ну, так я с угощением. Пирог у этой Макаровны изумительные! Прямо-таки как у моей жены – ничуть не хуже! Угощайтесь! – И он раскрыл полотняный мешочек.

– Спасибо, – чуть смущенно и в то же время удивленно проговорили оперуполномоченный и участковый. Уж чего-чего, а того, что полковник из центра будет угощать их пирогами, они явно не ожидали.

– Да ладно, – беспечно махнул рукой Гуров. – За что спасибо? Не мои же пироги, а бабкины. Ты бы, – Гуров взглянул на участкового, – не слишком бы ее пугал, эту Макаровну, а? Ведь хорошая же старушка! Милая и задушевная!

– Так ведь самогон... – неуверенно произнес участковый, жуя пирог. – По закону вроде как не положено его продавать...

– Ну, мало ли, – примирительно сказал Гуров. – Тут у тебя вон какие дела творятся на участке – убийство! Так что ты полегче со старушкой, ладно? А то она опасается: вот придет, говорит, этот злыдень и охламон Васька Курятников и заарестует!

– Ладно, – по-доброму улыбнулся участковый и принялся за второй кусок пирога. – В следующий раз я явлюсь к ней с

букетом роз! Скажу: вот тебе, бабуля, от твоего заступника полковника Гурова!

– Вот и договорились, – улыбнулся и Лев Иванович. – А теперь послушайте, что Елизавета Макаровна мне поведала...

И он вкратце, опуская ненужные в данном случае старушечьи сантименты и причитания, рассказал участковому и оперуполномоченному все, что ему удалось выведать у старухи. После того как Гуров закончил рассказывать, в машине долгое время стояла тишина. Лежаков и Курятников обдумывали сказанное полковником, а Лев Иванович – ждал.

– Да уж, картина получается интересная, – промолвил наконец Лежаков. – Требующая размышлений, а также выводов и действий. Ну, что же... Позвольте тогда внести и нашу скромную долю в вашу эпохальную картину...

– Интересно знать, ты всегда выражаешься так витиевато или только в каких-то особенных случаях? – Гуров заинтересованно глянул на молодого оперуполномоченного.

– Нет, – ответил за него участковый. – Только когда размышляет и сопоставляет. То есть когда след берет. Но поскольку такое бывает крайне редко, то во всех прочих случаях наш Семен – простой, как ведро.

– Вот правильно сказала о тебе эта старуха, – опер иронично прищурился, глядя на участкового. – Злыдень ты и есть. И, само собою, охламон. Ни дать ни взять.

Гуров слушал, улыбался и никак не вмешивался в сло-

весную перепалку двух молодых полицейских. Из опыта он знал, что такие дружеские словопрения и подначки как нельзя лучше сплачивают коллектив, что просто необходимо для пользы дела.

– Так вот, о нашей малой лепте, – сказал наконец оперуполномоченный официальным тоном. – Мы тут с участковым пробежались по деревне и разузнали кое-что интересное. И наша информация, как нам кажется, очень даже органично дополняет ту картину, о которой вы, Лев Иванович, нам поведали. Итак, между Вороновыми и гражданином Пантелеевым, впоследствии убитым, вечером во вторник произошла драка. А примерно через полчаса после драки из ворот дачи Вороновых вышел еще один типаж... И знаете, кто это был? Вовек не догадаетесь! Мишка Клык собственной персоной, вот кто!

– Один, без Витали Безухого, – добавил участковый.

– Один, без Витали... – подтвердил опер. – Более того, провожал его до калитки лично сам хозяин – Воронов Игорь Николаевич! Да как притом провожал! Хотя и без особого почтения, но и не гнал взащей! Это депутат-то и по совместительству богатый человек – да деревенского забылдыгу! Не обнимал, конечно, и не целовался с ним, но и по шее не бил – вот ведь какое дело!.. А рассказал мне об этом один словоохотливый селянин, который как раз проходил мимо и видел эту душераздирающую сцену. Все нормально, – сказал Лежаков, заметив, как Гуров шевельнулся. – Мужичок –

ремень и слова своего назад не возьмет. Все подтвердит – хоть следователю, хоть на суде. Но ведь и это еще не все... Тот же самый мужичок поведал и еще один интересный нюанс. Вскоре после того, как самый главный Воронов трогательно проводил из калитки местную забубенную личность – Мишку Кряка, все Вороновы вдруг дружно снялись с места, уселись в автомобили и спешно укатили. Погасив, разумеется, все огни в окнах и во дворе. Это на ночь-то глядя! И что бы им не переночевать и отбыть поутру? К чему такая спешка? А? Ну и как вам штришок к общей картинке, Лев Иванович? Годится?

– А твой мужичок не сказал, сколько именно людей отбыло на ночь глядя? – спросил Гуров.

– Как же, сказал, – ответил Лежаков. – Говорит, что трое. Вроде как двое мужчин, а с ними – женщина... Ну а опознать их мой свидетель, конечно же, не опознал. Говорит, что было темно, да и не ставил он перед собой такой цели – кого-то опознавать. Посмотрел, подивился, пожал плечами, да и пошел себе дальше. Вот...

– Ну и что же вы думаете по этому поводу? – поинтересовался Гуров мнением обоих полицейских сразу.

– Что мы думаем по этому поводу... – в раздумье произнес Лежаков. – Много чего мы думаем... Причем вопросов у нас намного больше, чем ответов.

– Да и у меня то же самое, – признался Лев Иванович. – Вопросов больше, чем ответов. А потому давайте будем рас-

суждать логически. То есть задавать вопросы и совместно пытаться на них отвечать. Ну а когда картина более-менее станет ясна, подумаем, что делать дальше.

Начал оперуполномоченный Семен Лежаков.

– Ясно одно, – сказал он. – У убитого Пантелеева, похоже, были какие-то счета с семейством Вороновых. Возможно, именно поэтому он и прикатил аж из самой Сибири – свести эти самые счета. И способ их сведения Вороновым очень не понравился...

– Из чего следует, – подхватил Гуров, – что эти счета представляли для них какую-то опасность.

– А может, дело было и не так, – усомнился участковый Курятников, – а намного проще. Просто Пантелеев явился в первый попавшийся богатый дом, чтобы попросить у хозяев денег. Бродяги – они такие... А хозяевам визит не понравился – ну, они и погнали его в три шеи и сторяча пригрозили убить... Так что, может быть, мы рисуем совсем не ту картину...

– Ну нет, – не согласился Гуров. – Из показаний старухи Макаровны ясно проглядывается иная ситуация. Очень похоже, что Пантелеев пытался неоднократно выйти с Вороновыми на контакт. Как минимум – трижды. Да он и Макаровне говорил о том же самом! Ничего, мол, не вышло с первым таймом, есть у меня и второй тайм, и даже третий... То есть он явно стремился к общению с Вороновыми, а они, похоже, и не жаждали с ним говорить. Вороновы гонят его взашей –

он опять к ним. Они его гонят повторно – он не унимается... И в третий раз – то же самое...

– А четвертого раза не случилось, – продолжил мысль полковника Лежаков. – Потому что сибирского бродягу нашли убитым.

– Из чего можно сделать осторожный вывод: а уж не связаны ли эти бродяжки визиты к Вороновым и убийство в единое целое? В какой-то общий и пока нам не понятный клубок? – предположил Гуров.

– А вот я опять не согласен, – возразил Курятников. – Я думаю, что тут и вовсе нет никакой связи. Мало ли, встретились, подрались... А вот убить его мог бы кто-то другой. И совсем по другой причине. Да вы сами посудите: что могло быть общего у Вороновых и у Пантелеева? Совсем разные люди...

– Ну, не всегда же Вороновы были депутатами и мэрами, а Пантелеев – бродяжкой, – пожал плечами Лежаков. – В прежней жизни они могли быть и кем-то другими. И знаться между собой. Почему бы и нет?

– Не знаю, – неуверенно произнес участковый. – Может быть... Но опять же – что же это была за тайна, из-за которой Вороновы так всполошились? Ведь им же на все плевать! Они же – хозяева жизни, у них все повязано! И вдруг испугались какого-то бродячего человечка! С чего бы вдруг? Что такое он мог о них знать?

– А давайте-ка подойдем к этому делу с другой стороны, –

предложил Гуров. – Семен, давай подходи ты. Думаю, понимаешь, о чем я толкую...

– Да, – не сразу отозвался Лежаков. – Вроде как понимаю... Значит, так... Вороновы и Мишка Кряк. Их контакт и в самом деле загадка. Во-первых, что за дела у Мишки Кряка с Вороновыми? Допустим, они наняли его на работу...

– Такое бывает, – подтвердил участковый. – Иногда наши деревенские бездельники и впрямь нанимаются на работу к дачникам. Скосить траву, вскопать клумбу...

– Вот, – сказал Лежаков, – дело вроде бы обыкновенное. Мишка, значит, нанялся на работу, сделал ее, провозился с ней допоздна, хозяин с ним рассчитался и выпроводил за ворота. Вроде все понятно. Кроме одного момента. Вернее, даже двух. Как-то так получилось, что визит бродяги и работа Мишки совпали во времени... Допустим, случайность. Тогда мне непонятно другое. Отчего это Вороновы, едва выпроводив Мишку Кряка, вдруг сорвались с места? Тоже совпадение? Но меня еще в академии учили, что двух совпадений рядом не бывает. Два совпадения подряд – это неосознанная закономерность. Вот я и толкую насчет этой закономерности...

– А кроме того, получается, что Мишка Кряк – свидетель! – осенило участкового. – Если он присутствовал при драке, то наверняка что-то видел и слышал! Надо бы его хорошенько допросить. Что я и сделаю. Уж Мишка Кряк все мне расскажет, потому как я знаю, чем и как его разговорить!

– Тут Мишка Кряк и там Мишка Кряк... – Гуров потер переносицу. – Ведь именно он вместе с Виталей Безухим три дня подряд вертелся вокруг Пантелеева и все выспрашивал, когда, мол, ты станешь богатым. А в последний раз и вовсе явился без Витали. Они о чем-то поговорили, Мишка ушел, а вскоре вслед за ним ушел и Пантелеев. Спрашивается, куда он ушел? А скорее всего у Мишки и у Пантелеева вдруг образовалось какое-то срочное дело. Из чего само собою следует, что именно Мишка был одним из последних, кто видел Пантелеева живым. А может, даже и последним.

– А может... – неуверенно произнес Лежаков, да больше ничего и не сказал, потому что больше и говорить-то надобности не было. Все несказанные Семеном слова Гуров и Курятников поняли и так.

– Да ну! – не поверил участковый. – Чтобы Мишка Кряк кого-то убил... Да я ведь его знаю, он слабак, не мог Мишка на мокрое дело пойти. Его и жена-то, бывало, колотила, когда он еще был женат! А тут – убийство... И зачем? Он и Пантелеев знали-то друг друга всего три дня. А вот я сейчас его доставлю в готовом виде! – решительно произнес Курятников. – Прямо сюда! И мы его допросим.

– А справишься один? – спросил Гуров. – Или, может, помочь Мишку доставить?

Участковый ничего не ответил, лишь окинул Гурова ироничным взглядом и вылез из машины.

– Хочешь знать, что я думаю насчет поспешного отъезда

Вороновых? – спросил Гуров у Лежакова.

Оперуполномоченный молча кивнул.

– Я думаю, неспроста они умчались, – сказал Гуров. – Их внезапный отъезд похож на поспешное бегство. А поспешное бегство – это заметание следов. Вопрос: какие такие следы пытались замести Вороновы?

– А может, они таким способом хотели обеспечить себе алиби? – спросил Лежаков. – Мол, в деревне что-то случилось, а нас в это время здесь и не было! И поди докажи, что мы к этому причастны.

– Может быть, и так, – задумчиво произнес Гуров. – А может, и нет.

– Есть здесь еще один непонятный для меня момент, – проговорил Лежаков. – Дело-то происходило во вторник! То есть в будний день. И вот мне не дает покоя мысль: что делали Вороновы во вторник на даче? Все кругом утверждают, что они появлялись на даче лишь по выходным и праздникам. А тут – во вторник... Почему? Уж не связано ли их появление на даче каким-то образом с убитым Пантелеевым. Ведь такие люди, как Вороновы, просто так привычки не меняют. Должно быть, прибытие Пантелеева настолько обеспокоило Вороновых, что они волей-неволей вынуждены были даже поменять свои привычки и приехать на дачу во внеурочный день. Во вторник.

– Да и меня беспокоит та же самая мысль, – признался Лев Иванович. – Вся эта публика – народ закостенелый. Для

них лишнее движение мўке подобно. И потому их приезд на дачу во вторник...

Он недоговорил, потому что вдалеке послышались торопливые шаги, и вскоре в машину ввалился запыхавшийся Курятников.

– А нет нигде Мишки Кряка! – с ходу выпалил он. – Говорят, как пропал из виду в среду вечером, так с тех пор его никто и не видел.

– И часто он вот так вот пропадает из поля зрения? – спросил Гуров.

– До этого случая ни разу, – мрачно ответил участковый. – То есть я всегда знал, где он обретается. Да ведь он из деревни, можно сказать, никуда и не выезжал. На какие, спрашивается, шиши? У него никогда нет денег, чтобы добраться даже до райцентра. А тут вдруг взял и исчез.

– Да-а, – протянул Гуров, – картина складывается все интереснее и интереснее. А может быть, и Мишку убили?

– Кто? – еще более мрачно поинтересовался участковый. – И где, спрашивается, труп?

– Ну, скажем, в речке, – предположил Гуров.

– Так ведь всплыл бы, – помотал головой участковый. – В трех километрах отсюда по течению – запруда. Там бы и всплыл.

– Ну и что будем делать? – поинтересовался Лежаков.

– Вы – искать Мишку Кряка, – ответил Гуров. – Сами понимаете, теперь он нам нужен хоть живой, хоть мертвый. А

я хочу наведаться в гости к Вороновым. Сегодня – воскресенье, не так ли? Значит, они должны быть дома, то есть на своей даче. Вот я и наведуясь к ним.

– Зачем? – не понял участковый.

– Ведь прогонят – как давеча и меня, – засомневался в успехе задуманного Гуровым и Лежаков.

– А прогонят – тем лучше, – загадочно произнес Лев Иванович. – Значит, у меня будет возможность наведаться к ним еще раз. И уж тогда-то – окончательным образом. Непонятно? Ничего, потом объясню. Значит, вы меня пока подождите здесь, потому что после общения с Вороновыми мне нужно будет в город. А как я туда попаду без колес?

Гуров совсем уже было собрался вылезти из машины, как Лежаков задал вопрос, который заставил полковника замереть:

– А как же рыбка?

– Какая рыбка? – вопросом на вопрос ответил Гуров.

– Медальон в виде рыбки из желтого металла, – пояснил Семен. – Ну, или не медальон, а кулон. Который был на убитом, когда он был еще живой... Помните, вы говорили, что старуха вам рассказывала, будто у Пантелеева был кулончик.

– И что? – не понял Гуров.

– Так ведь не было на Пантелееве никакого кулончика, когда мы осматривали тело, – растерянно произнес оперуполномоченный. – Ни на нем, ни в карманах. Ничего, кроме паспорта. И судмедэксперт тоже не видел, иначе он бы нам ска-

зал. Не было золотой рыбки.

– В самом деле, – почесал затылок Гуров. – На живом была, а на убитом ее не обнаружили.

– А ведь рыбка – улика, – сказал Лежаков. – Возможно, очень важная, потому что, может быть, именно убийца ее и снял. А коль так, то где-нибудь золотая рыбка всплывет. Убийца попытается ее продать или подарит своей крале, а может, и сам станет ее носить, если полный дурак. Одним словом – улика. Зацепка. Ниточка.

– Ты прав, Семен, – согласился Гуров и стал выбираться из машины.

Гуров шел к даче Вороновых нарочито неспешным шагом. Он не торопился, потому что ему надо было как следует подумать. Во-первых, разложить мысленно по полочкам все, что связано с убийством Алексея Пантелеева. А во-вторых, представить, как сложится и чем закончится его визит к Вороновым.

Что касается собственно убийства Алексея Пантелеева, то картина в голове у Гурова вырисовывалась следующая. В то, что Пантелеев – обыкновенный бродяга, решивший стрелкнуть у богатых Вороновых сотню-другую, Гуров не верил решительно. Факты, хотя все они были косвенными, говорили о другом. Скорее всего Пантелеева и Вороновых действительно связывало нечто общее – некая тайна, о которой Гуров покамест не имел никакого представления. И вот Пантелеев неожиданно возник пред Вороновым, а вместе с ним, так или иначе, возникла и та самая тайна, ибо Пантелеев был ее носителем и хранителем. Очень может быть, что это была очень важная тайна, она каким-то образом разоблачала Вороновых и каким-то нежелательным образом могла сказаться на их дальнейшей жизни. И что в таком случае оставалось делать Вороновым? А оставались три варианта. Первый: купить молчание Пантелеева. Вероятно, убитый именно на это и рассчитывал – не зря же он несколько раз рядом намекал

старухе Макаровне и своим собутыльникам Мишке Кряку и Витале Безухому на свое скорое и неминуемое обогащение. Но по какой-то причине случилась осечка, и никакого богатства Пантелеев так и не дождался. То ли он запросил слишком много, то ли Вороновы оказались чрезмерно скупы, то ли помешали какие-то другие, не известные Гурову обстоятельства. Вариант второй – прогнать Пантелеева взащей. Вороновы как раз и пытались это сделать, но безрезультатно. Они его гнали, а он возвращался к ним раз за разом. И что из этого следовало? А следовал третий вариант – устранить Пантелеева. Могли ли Вороновы пойти на такой шаг, Гуров, конечно же, не знал. Он покамест не имел никакого представления, что это за люди, и потому рассуждал чисто гипотетически. Хотя и не совсем и гипотетически – ведь Пантелеева-то кто-то и впрямь убил! Но в то, что совершить преступление мог кто-нибудь из Вороновых – отец или сын, – Гуров не верил категорически. Все дело было в способе убийства. Как-то не вязались в представлении Гурова Вороновы и обух или камень, а ведь именно одним из этих орудий преступления и был убит Пантелеев. Такие люди убивают иначе, но никак не обухом – уж Гуров об этом знал прекрасно. А вот кто-нибудь из деревенских вполне мог воспользоваться и обухом, и камнем. Например, тот же Мишка Кряк. А из этого следовало, что Вороновы наняли Мишку Кряка в качестве убийцы. Могли нанять, скажем так. Конечно же, Гуров пока что всерьез не подозревал ни кого-то из Вороновых,

ни Мишку Кряка – для этого у него не было веских доказательств. Он просто размышлял.

Теперь – о визите к Вороновым. Лев Иванович вовсе не надеялся, что у него состоится какой-либо вразумительный разговор с семейством или хотя бы с кем-то одним из семейства. Скорее всего ему так же откажут в аудиенции, как отказали оперу Лежакову. С той лишь, пожалуй, разницей, что Гурова не отправят восвояси так же безапелляционно и грубо, как Лежакова, а укажут на порог холодно и надменно-вежливо. Все-таки Гуров обладал высоким статусом представителя правоохранительных органов из самой столицы, и это непременно должно сказаться на поведении Вороновых. Такие люди, как Вороновы, испытывают перед центральными властями нечто вроде священного трепета – уж кому, как не Гурову, об этом знать. «Значит, по шее не накладывают», – подумал Лев Иванович и улыбнулся от такой своей незамысловатой шутки.

Но для чего же, спрашивается, Гуров шел к Вороновым, если он не надеялся на какой-либо внятный разговор? А просто он хотел нанести «пробный» визит. Сыщик рассчитывал, что, как бы там ни было, его появление не оставит Вороновых равнодушными. Уж коли к ним явился полковник из самой Москвы, то этот факт хоть что-то да значит. Московские полковники, как известно, зря являться не станут. А если так, то Вороновы обязательно засуетятся и начнут искать пути и способы подстраховки самих себя от возможных

неприятностей: допустим, советоваться с адвокатами, задействовать связи. А это будет косвенно означать, что они чувствуют за собой вину, потому что если бы никакой вины за Вороновыми не было, то они приняли бы полковника Гурова с распростертыми объятиями. Как говорится, накормили бы, напоили и в баньке попарили. Для чего гнать с порога представителя правоохранительных органов из самого центра, если ты ни в чем не виновен? Наоборот, с ним надо быть обходительным и вежливым, наладить деловое знакомство, авось пригодится.

Конечно, невежливое поведение Вороновых не будет означать, что они виновны именно в убийстве приезжего из Сибири Алексея Пантелеева. Тут нужны дополнительные доказательства, которых у Гурова пока что не было. А вот в каких-то других махинациях они скорее всего действительно замешаны, коль испугаются визита Гурова.

Впрочем, здесь необходимо было учитывать и иной, прямо противоположный вариант. Вполне возможно, что Вороновы поведут себя иначе: они всячески постараются скрыть свой испуг от неожиданного визита и, образно выражаясь, лицемерно бросятся на шею Гурова с объятиями. Что ж, и это неплохо. В таком случае Гуров, воспользовавшись моментом, задаст им некоторые вопросы. О, вопросов у него много. Например, о том, что их связывало с убитым сибиряком Пантелеевым. Из-за чего случилась та самая драка вечером? Сколько всего визитов нанес убитый Пантелеев Во-

роновым и какова тема этих визитов. Или – какие такие общие дела вдруг нашлись у семейства и Мишки Кряка. Что делал Кряк на даче во вторник вечером? Отчего Вороновы, как только выпроводили Мишку, тут же снялись с места и укатили? В общем, завяжется что-то типа игры в викторину «Вопрос – ответ», а уж здесь-то Гуров был непревзойденным виртуозом. Победить его в такой викторине никому не удалось лет уже, наверное, тридцать.

Дачу Вороновых Лев Иванович нашел сам, никого не спрашивая. Будто бы какое-то внутреннее чутье подсказало ему – вот она, дача-то... Во дворе никого видно не было, но стояли сразу две легковые машины, из чего следовало, что дома кто-то есть, и причем не один, а как минимум двое. Гуров не спеша рассмотрел машины – шикарные авто, нечего сказать. Бедные люди на такие авто не накопят и за две жизни. Рассмотрел Гуров и саму дачу. Три этажа, дворовые постройки, стриженный на английский манер газон, диковинные, совсем не русские растения вокруг газона и на клумбах. Одним словом, типичное обиталище типичных скоробогачей. Гурову неоднократно приходилось видеть такие дачи и общаться с их обитателями. И дачи, и обитатели почти всегда были на одно лицо, и оттого Гуров всегда ощущал какую-то неприятную, холодную тоску под сердцем. Точно такое же ощущение возникло у него и сейчас, и ему вдруг до боли захотелось уйти отсюда, да и не просто куда-нибудь, а к милой старушке Елизавете Макаровне, в ее простой де-

ревенский дом, где так уютно и приятно пахнет пирогами, сесть с нею за стол, взять кусок пирога с грибами или черникой, вдохнуть его запах и затеять неспешный разговор о простых житейских радостях и горестях.

Гуров потрогал калитку – заперта. Это вам не изба в деревне Антонова Балка, где и вовсе не запирают дверей! Это дача. Как говорится, чужие здесь не ходят. А если они изредка и появляются, то потом их находят мертвыми под старой ивой – с пробитой обухом головой... Лев Иванович зябко повел плечами и потер лоб: он не должен идти на поводу зыбких предположений и тем более поддаваться эмоциям. Он сыщик, и его стихия – факты. Он должен быть холоден и непредвзят.

Гуров нажал на кнопку звонка. Какое-то время в доме безмолвствовали, а затем появился сам Воронов Игорь Николаевич собственной персоной. Не торопясь и хмурясь, он неторопливо шествовал от крыльца к калитке, а Гуров его в это время рассматривал, пытаясь по внешнему виду определить, что же это за человек. И не определил. Ничего, кроме неудовольствия и выражения некоторой брезгливости, на его лице Гуров прочитать не смог, как ни старался.

Воронов подошел к калитке, остановился и стал смотреть на Гурова без всякого участия.

– Здравствуйте, – вежливо произнес Лев Иванович. – Вы, наверное, Воронов Игорь Николаевич?

И на это предположение хозяин дачи ничего не ответил,

а лишь нетерпеливо шевельнул рукой.

– Я – полковник полиции Гуров Лев Иванович, старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России. Вот мое удостоверение.

Воронов опять шевельнулся, какое-то время вглядывался в удостоверение, затем – в лицо Гурова.

– И что? – разжал наконец губы Воронов.

– Побеседовать с вами хотел, – просто ответил Гуров. – Оттого и явился к вам на дачу незванным-непрошеным. Вы уж меня извините за мой неожиданный визит.

– О чем? – спросил Воронов, и выражение его лица при этом ничуть не изменилось.

– Так сразу и не скажешь... Ну а если говорить в общем и целом, то есть у меня несколько вопросов к вам, на которые я бы хотел получить ответы.

– Каких вопросов? – почти не разжимая губ, спросил Воронов.

– Ну... – развел руками Гуров. – И потом сложно изъясняться через калитку. Не соизволите ли ее отпереть, чтобы я вошел?

– Ко мне уже приходили из вашего ведомства, – сказал Воронов и даже рукой не шевельнул, чтобы отпереть калитку и впустить Гурова.

– Знаю, – кротко ответил сыщик. – Ну, так приходили из местной полиции. А я – из центра. Старший уполномочен-

ный по раскрытию особо важных преступлений.

– И что? – надменно спросил Воронов. – Я – депутат областного совета. По закону вы не имеете права меня допрашивать.

– Знаю, – все так же кротко ответил Гуров. – Но я и не собирался вас допрашивать. Я же сказал – побеседовать. Без всякого протокола. Допустим, мне нужна ваша помощь...

– Тогда – шлите официальный запрос от вашего ведомства за подписью первого руководителя, – сказал Воронов. – С приложением перечня вопросов, на которые вы бы хотели получить ответ. Я рассмотрю и приму решение.

– Решение о чем? – с предельной степенью вежливости поинтересовался Гуров.

– Встретаться с вами или нет, – проронил хозяин дачи. – И соответственно, давать или не давать ответы на ваши вопросы. И само собою, если встреча состоится, она должна быть не у меня дома, а в официальном месте. Вы должны учесть также и то, что, возможно, я явлюсь на встречу со своим адвокатом. Но скорее всего я на нее не явлюсь, потому что не вижу, чем бы я мог быть вам полезен. Всего наилучшего.

Воронов повернулся и пошел по направлению к крыльцу. Похоже, Гуров перестал для него существовать.

– Игорь Николаевич! – окликнул его сыщик.

Воронов остановился, но, конечно же, не оглянулся.

– А ведь я к вам приду еще раз, и очень скоро, – пообещал Гуров. – Уж хотите вы того или нет, но приду. И уж тогда вы

отворите передо мною калитку! И я задам вам свои вопросы, а вы дадите на них ответы. Поверьте на слово, что так и будет. А пока что кланяйтесь вашей дражайшей супруге и всему вашему семейству...

Разумеется, Гуров не случайно произнес столь длинную прощальную речь. Здесь таился психологический расчет. Льву Ивановичу хотелось видеть, как отреагирует Воронов на произнесенные им слова, в которых, помимо некоторой самоуверенности со стороны Гурова, таилась замаскированная угроза для хозяина дачи. Если Воронов не чувствует за собой никакой вины, он не станет дослушивать долгую прощальную речь Гурова. В любом же другом случае он обязательно дослушает ее до конца. Так вот: Воронов дослушал речь до самого конца. Конечно, он не повернулся, чтобы посмотреть на сыщика, он просто стоял и слушал. А когда понял, что речь окончена, медленно пошел дальше. Что Гурову и было нужно. «Визитом вполне удовлетворен! – подумал Лев Иванович и усмехнулся: – Еще посмотрим, кто кого».

Оперуполномоченный и участковый ждали полковника в условленном месте.

– Ну? – хором поинтересовались они. – Как прошла встреча в верхах?

– Как и положено, – улыбнулся Гуров. – Такого увесистого пинка я не получал давно. До сих пор чешется в определенном месте.

– Мы же говорили, – пожал плечами Лежаков. – Так сто-

ило ли туда идти? Неужто ради пинка?

– Ради него, – весело произнес Гуров. – А как же. Иногда в нашем деле пинок очень многое значит.

– И это – как раз тот самый случай? – с ехидством в голосе уточнил Лежаков.

– Именно, – серьезно ответил Лев Иванович.

– Ну... – с сомнением произнес Лежаков. – Вы, конечно, начальник, вам видней... Но все-таки хотелось бы знать подробности. Так сказать, в целях повышения общей образованности и совершенствования оперативного мастерства.

– А подробности такие, – стал пояснять полковник. – Испугался он.

– Хозяин? – уточнил Лежаков.

– Да.

– И чего же именно?

– Моего следующего визита, который я ему пообещал. Из чего следует... – Здесь Гуров сделал преднамеренную паузу.

– Что рыльце у него в пуху, – закончил Лежаков.

– Именно так, – подтвердил Лев Иванович. – Ну, давайте рассказывайте, чем закончились ваши поиски Мишки Кряка.

Мишку Кряка Лежаков и Курятников не нашли, зато отыскивали Виталию Безухого – верного собутыльника и закадычного друга Мишки. И – подвергли его допросу с пристрастием.

– Во-первых, – спросил участковый у Витали, – ответь нам на главный вопрос: ты сейчас трезвый, выпивши или с похмелья? А то я что-то не разберу... При чем говори честно, понял? Не то я тебе прямо здесь же, оптом, припомню все твои грехи: и вчерашние, и сегодняшние, и даже завтрашние. Ты меня уразумел?

– Ага, – с готовностью отозвался Виталия Безухий.

– Тогда отвечай насчет степени твоего опьянения.

– Я – как стеклышко, – сотворив честную физиономию, ответил Виталия. – Да ты сам посуди, командир: с каких таких доходов мне быть пьяным? Тебе мои доходы известны. Это Мишка Кряк небось сейчас пьяный и счастливый. А я – человек бедный.

– А Мишка, значит, богатый? – спросил на этот раз сыщик Лежаков.

– А мне-то откуда знать? – пожал плечами Виталия. – Но мыслю так: коль он сейчас пропал из виду, то, стало быть, пьяный и счастливый. Иначе – никак. Уж я его повадки знаю! Хотя, конечно, свинство пить без лучшего друга, то есть без

меня. Уж я бы так не поступил. Я бы напоил и Мишку, и тебя, и тебя, – Виталя ткнул поочередно пальцем сначала в участкового, а затем в оперуполномоченного. – Всех. Потому что я – человек душевный, а не такой жлоб, как Мишка. И если хотите знать...

– Ладно, умолкни! – прервал нескончаемый монолог Витали Семен Лежаков. – Ты лучше вот что скажи: где сейчас может быть Мишка?

– Как это – где? – удивился Виталя такой непонятливости полицейских. – Говорю же – пьянствует!

– Мы тебя не спрашиваем, что он делает! – вызверился на Виталию участковый. – Мы спрашиваем, где он сейчас находится! Ты понял вопрос или, может, тебе повторить его по слогам?

– А вот чего не знаю, того не знаю, – развел руками Безухий. – Знаю только одно – пьянствует без меня. Потому как чувствую...

– Тогда ответь: когда ты видел Мишку в последний раз? И при каких обстоятельствах? – спросил Лежаков.

– Сейчас буду припоминать, – с готовностью ответил Виталя. – Значит, так. Сегодня какой день?

– Воскресенье, – нетерпеливо ответил участковый. – Давай-ка напряги свой мыслительный аппарат.

– Сейчас напрягу, – пообещал Виталя. – Значит, так... Коль сегодня, ты говоришь, воскресенье, то вчера было что?

– Суббота, – подсказал участковый. – Давай, мысли даль-

ше.

– Один момент, – с готовностью отозвался Виталя. – А позавчера, значит, была пятница. Так?

– Ну так, – на исходе своего терпения ответил участковый.

– А ей обязан преш... прес... предшествовать четверг.

Правильно?

– Ну...

– Так вот в четверг я его и видел! – радостно воскликнул Виталя. – Хотя нет... то есть не в четверг, а накануне. В среду. Да. Точно, в среду. Вот.

– А не ошибаешься? – спросил Лежаков. – Ты имей в виду – дело очень важное. Так что, если совершь – смотри...

– Неужто он что-то натворил, Мишка? – испуганным тоном спросил Виталя. – А если не секрет, что именно?

– Не твое дело! – рявкнул участковый. – Ты давай отвечай на вопросы. Да чтобы в точности.

– Ну, так я и отвечаю... Говорю же, видел в среду. Днем.

– А вечером ты его видел? – спросил Лежаков.

– А вот вечером не видел, – развел руками Виталя. – Будто он провалился сквозь землю – вечером. Уж я его искал везде и повсюду... нет, и все тут.

– Ну а о чем вы с ним говорили в среду, помнишь?

– Да о чем? – стал припоминать Безухий. – Вроде ни о чем серьезном. Ну, насчет выпить... это уж само собой. А больше... нет, не припомню. Конечно, если бы разговор шел о чем-нибудь таком... – Виталя пошевелил пальцами в возду-

хе, – то я бы, может, и запомнил. А поскольку я не помню, то, значит, никакого серьезного разговора и не было. Не считая, конечно, насчет выпить.

– Ну и что же, выпили?

– А ничего подобного! – покачал головой Безухий. – То есть ни граммочки. Потому что и я был пуст, да и он тоже. А то бы, конечно, мы сообразили...

– Так, значит, ты считаешь, что сейчас Мишки в деревне нет? – спросил участковый.

– Считаю, – закивал Виталька. – Потому что, если он в деревне присутствует, неужто, по-вашему, я бы его не нашел? Ха!

– Но, может быть, у него есть какое-то тайное местечко? – поинтересовался оперуполномоченный.

– Это какое же? – уставился Виталья на Лежакова непонимающими глазами.

– Скажем, какая-нибудь молодка...

– Это баба, что ли? Ха-ха-ха... Ну ты, командир, и даешь – баба! Да еще у нас в деревне... Какая же деревенская баба захочет связаться с Мишкой? Ведь он же пьющий! И в пьяном виде дурной! Понятно это тебе или нет?

– А, допустим, в городе? – на всякий случай решил уточнить Лежаков.

– Чего – в городе? – не понял Виталья.

– Ну, может, у него в городе имеется подруга жизни, – предположил Семен.

– Да и в городе тоже... – начал было Виталя и вдруг осекся. – В городе... В твоём вопросе, командир, есть это... рациональное зерно. Была у него в городе подруга, точно помню. Два или три года тому... Разбежались, конечно... Но, может, опять сошлись, а? На то она и любовь, чтобы сходить-ся, разбегаться, а затем сходиться обратно.

– И кто такая? – поинтересовался участковый, для которого известие о Мишкиной подруге, хотя бы она была и в городе, являлось новостью.

– погоди, дай припомнить, – наморщил лоб Виталя. – Вот, вспомнил! Ленка Гармонистка! Точно! Хорошая мамзель, зря говорить не буду.

– А почему – Гармонистка? – улыбнувшись, спросил Лежаков.

– А не знаю, – пожал плечами Виталя. – Вроде как на гармошке умеет играть. Ну, или, может, на баяне... Точно, вспомнил! Заведующей она когда-то работала! Домом культуры заведовала! А там без баяна никак. Потому и Гармонистка.

– А где она живет, не помнишь? – спросил Курятников.

– Сказано же, в городе! – ответил Безухий. – А вот где именно, не скажу, потому как не знаю.

– Ну, гляди! – сурово произнес участковый. – Пока что прощается тебе твой нехороший образ жизни. Проще говоря, покамест я буду смотреть на тебя сквозь пальцы. Но помни – все наши свидания впереди! А пока вот что. Как

только ты услышишь что-нибудь о своем дружке Мишке или, лучше того, увидишь его – так сразу же сообщи о том мне. И так, чтобы Мишка о том не знал и не ведал. Прямо-таки хоть днем, хоть ночью. А где меня найти, ты знаешь. Тебе все понятно?

– Ага! – радостно закивал Виталья, уразумевший, что, видеть, сегодня никаких разбирательств по поводу его персоны не предвидится.

– А может, тебе все же разъяснить дополнительно? – еще суровее сказал участковый.

– Нет-нет! – замахал руками Виталья. – И без того мне все ясно-понятно! Все сделаем по первому сорту! Как только его увижу... Мишку-то.

На том участковый Курятников и оперуполномоченный Лежаков с Виталей Безухим и распрощались.

– ... Вот такие у нас новости, – подвел итог своих поисков Мишки Лежаков. – А больше никаких новостей и нет. Мишку Кряка мы так и не нашли. Даже на след его не попали. Даже не знаем, жив ли он.

– Ну, не скажи! – не согласился Гуров. – Кое-что Виталья Безухий нам все же поведал. Во-первых, подтвердил странное поведение Мишки накануне убийства. А во-вторых, живет на белом свете такая Лена Гармонистка. А вдруг он и вправду у нее? Организовал, так сказать, себе лежбище. Надо бы эту Ленку отыскать.

– Понятное дело, – почесал затылок Лежаков. – Будем ис-

кать.

– А тогда – в город! – скомандовал Гуров. – И не вешать нос, ибо чую, мы напали на след!

В городе они расстались. Лежаков и Курятников устремились на поиски Ленки Гармонистки, а Гуров отправился искать Вахитова. А искать его следовало на его рабочем месте – где же еще-то? Вахитов там и находился. Он сидел за столом и что-то писал.

– Вот, я вернулся, – сказал Гуров, входя в кабинет.

– Откуда? – непонимающе взглянул на него Вахитов.

– Э, да я вижу, что ты погряз в своих бумагах до полного отрыва от действительности! – рассмеялся Лев Иванович. – Без бумаг, конечно, в нашем деле не обойтись, но всему должен быть предел. Давай-ка прячь свою писанину, да поговорим. А если при этом ты еще напоишь меня чаем, то будет превосходно.

– Будь они неладны, эти бумаги! – безнадежно махнул рукой Вахитов. – И кому они только нужны? Лично мне – ни под каким видом! А вот приходится... А насчет чая я сейчас организую!

Он сгреб со стола бумаги, сунул их в сейф, закрыл его на ключ и включил электрочайник.

– Так вот, – сказал Гуров, – я вернулся из деревни Антонова Балка и привез ворох вестей, версий и умозаключений. Посидим, попьем чайку, обсудим... Лады?

Вода вскипела, Вахитов заварил чай, достал из шкафчика

печенье и сделал приглашающий жест рукой.

Гуров подсел ближе к столу. Он кратко рассказал Вахитову о результатах своей поездки в Антонову Балку, попутно похвалил оперуполномоченного Лежакова и участкового Курятникова, а затем поведал и о собственных версиях и умозаключениях.

– По всему выходит, – подытожил Лев Иванович, – что этот Пантелеев приехал в Антонову Балку не просто так, а именно к Вороновым. Возможно, вначале он пытался найти их по городскому адресу, потом кто-то сообщил ему, что у них в деревне дача, и он прибыл туда, где наконец и застал их. Ну а дальше случилось то, что случилось...

За все время рассказа полковника Вахитов не проронил ни слова. А когда Гуров умолк, Вахитов взглянул на него и спросил:

– Их – это кого?

– Не понял... – недоуменно шевельнул бровью Гуров.

– Ну, ты сказал, что убитый в деревне наконец застал их.

И я хочу уточнить, кого именно?

– Вороновых, кого же еще? – пожал плечами Лев Иванович. Он по-прежнему не понимал, куда клонит Вахитов.

– Вот так прямо всех Вороновых? – прищурился Вахитов. – Ты считаешь, что все они были ему нужны, все четверо? И хозяин, и его жена, и их дети... Или, может, кто-то один из них?

– Ах ты ж, дьявол! – хлопнул себя по лбу Гуров. – И как

это я раньше не сообразил! Да и твои ребята, опер и участковый, тоже не смекнули, а то бы они мне сказали... Ну, конечно же, зачем Пантелееву нужно было видеть сына или дочь Вороновых? Скорее всего он о них и ведать не ведал! Из чего следует вывод: если убитый и впрямь прибыл к Вороновым, то к самому Воронову или к его жене. Знать бы еще, к кому именно.

– Скорее всего к жене, – сказал Вахитов.

– Что? – взглянул на него Гуров.

– Я говорю – к жене, – повторил Вахитов. – Именно к ней.

– Почему ты так считаешь? – спросил Гуров.

– Пока ты работал в Антоновой Балке, – ответил Вахитов, – ко мне пришла занятная мысль. А именно – прочитать жизнеописание обоих Вороновых. Их краткую биографию, проще говоря. Это не так и сложно и притом никакого секрета не представляет. Полгода назад у нас проходили выборы – выбирали депутатов в областной совет. Среди кандидатов, как ты догадываешься, был и наш друг Воронов Игорь Николаевич. В ту пору листовками с его героической биографией был обклеен весь наш город. Ну, я и отлепил парочку таких листовок и сунул их в ящик стола. Сам не знаю зачем. Думал, может, как-нибудь пригодятся. А может, просто сработала интуиция сыщика. Ну, да не важно. Важно то, что листовки в моем ящике сохранились, я о них вспомнил, извлек и прочитал.

– И что же ты там вычитал? – с искренней заинтересован-

ностью спросил Лев Иванович.

– Не так и много, как, может, того бы хотелось, но один фактик я все же оттуда узнал.

– Ну-ка, ну-ка...

– Из каких, ты говоришь, краев прибыл к нам Пантелеев?

– Из Сибири, – сказал Гуров. – А именно из города Прокопьевска.

– Вот! – Вахитов поднял палец вверх. – Из Прокопьевска! А наш Игорь Николаевич Воронов родом из Новокузнецка! Он там родился, учился, трудился, выбился в люди и прибыл к нам. А Новокузнецк от Прокопьевска находится в двадцати верстах.

– Ты хочешь сказать, что Воронов и Пантелеев могли быть знакомы раньше? – прищурился Лев Иванович. – Интересно...

– Это еще не самое интересное, – загадочно произнес Вахитов. – В той листовке упоминается все семейство Вороновых. А теперь угадай: откуда родом Воронова Екатерина Борисовна, супруга депутата Игоря Николаевича Воронова и наш городской мэр по совместимости?

– Неужто тоже из Новокузнецка?

– Думай, Лев Иванович, думай... В верном движешься направлении!

– Из Прокопьевска? – удивился Гуров.

– Вот именно, из него. Более того, там-то, в Прокопьевске, наша сладкая парочка и поженилась. А из этого следует, что

наша версия о возможном знакомстве Пантелеева и Вороновой Екатерины Борисовны из зыбкой и предположительной становится вполне реальной.

– Интересно, – проговорил Гуров. – Очень даже любопытно.

И ничего он больше не сказал. Все несказанное было понятно само собою и Гурову, и Вахитову. Действительно, коль убитый Пантелеев и нынешний мэр Воронова Екатерина Ивановна родом из одного города, то очень может статься, что и впрямь раньше они были знакомы. Да нет – они точно были знакомы, потому что быть не могло, чтобы два уроженца одного небольшого города случайно встретились на даче в затерянной среди бесконечных российских просторов деревне Антонова Балка. А если так, то Алексей Пантелеев целенаправленно искал встречи с Вороновой. И вот встреча состоялась, после чего Пантелеева убили. Почти сразу же после встречи.

– Да, – в раздумье проговорил Вахитов. – Это называется версия, достойная внимания.

– Наряду с другой версией – об убийстве в результате пьяных разбирательств, – уточнил Гуров. – А чтобы ее подтвердить или опровергнуть, необходимо поскорее найти Мишку Кряка.

– Если, конечно, он жив, – все так же задумчиво произнес Вахитов и спросил: – И куда ты теперь?

– Пойду по белым кудрям дня искать убогое жилище, –

процитировал Лев Иванович строки Сергея Есенина.

– Это ты насчет гостиницы? Может, помочь?

– А что, с поиском гостиницы есть проблемы?

– Не думаю, – пожал плечами Вахитов. – Скорее, наоборот. Гостиниц – много, гостей – мало. Провинция.

– Тогда я сам, – улыбнулся Гуров.

Они договорились встретиться на следующий день утром, а если случится что-то экстренное или, скажем, кого-то вдруг осенит гениальная идея, то созвониться немедленно. На том и расстались.

Действительно, в гостиницу Лев Иванович заселился без всякого труда. Причем находилась она рядом с городским отделением полиции. «Вот и хорошо...» – неопределенно хмыкнул Гуров, складывая вещи в гостиничном номере в шкаф. Он ждал телефонного звонка. С минуты на минуту должен был позвонить Станислав Крячко. По всем подсчетам, он должен уже подъезжать к районному центру. А может быть, уже находился и в самом райцентре.

И точно, вскоре позвонил Крячко.

– Алло, шеф! – шутливым тоном произнес он. – Приветствую и докладываю: прибыл в славный город районного подчинения! Происшествий за дорогу не случилось. Нахожусь на какой-то красивой площади. Сдается мне, я в самом центре города. Точно! Вот и здание с флагами.

– Тогда так, – сказал Гуров. – Недалеко от красивой площади находится гостиница «Победа». А в ней имеется двадцать седьмой номер. А в том номере – я. Жду.

Некоторое время спустя Гуров и Крячко сидели в гостиничном номере и разговаривали. Лев Иванович в подробностях обрисовал своему другу и напарнику ситуацию с расследованием преступления, а также выразил свое мнение относительно убийства Алексея Пантелеева.

– Черт его разберет, – пожал в задумчивости плечами

Крячко, когда Гуров умолк. – По всем прикидкам вроде ты и прав. Да вот только прямых доказательств – почти никаких. Одни предположения... И потом не забывай: очень может статься, что ты со своими помощниками пошел по неверному следу. Подобное бывает, нам ли с тобой этого не знать? Захватила волна, понесла и вынесла на пустой берег.

– И приходится опять нырять и грести против течения. А плыть против течения во много раз тяжелее, чем по нему. Выбиваешься из сил, теряешь уверенность...

– Так оно и есть, – подтвердил Крячко. – И вот что я еще думаю. В этой самой Антоновой Балке мне делать нечего ни под каким видом. Ну что я там выведу? От кого? Ты и твои помощники прочесали деревню частым гребнем. И буду я там болтаться как невесть кто на смех местному населению и идти по вашим следам. А это в нашем деле – халтура.

– Я тоже об этом подумал. И вот что я придумал... – хитро глянул на напарника Гуров.

– Наверняка какую-то гадость для меня – утомительную и неинтересную, – скривился Крячко.

– Точно! И как только ты догадался?

– Да знаю я тебя... Что хорошего ты можешь предложить своему лучшему другу и напарнику? Только всякое непотребство. Уж такой у тебя характер... Ну, говори точнее, не томи душу путешественника.

– Путешественнику полагается много путешествовать, – осторожно начал Гуров.

– И куда на этот раз? – Крячко скривился еще сильнее.

– В славный город Прокопьевск, – ответил Лев Иванович.

– Куда? – вытаращил глаза Крячко.

– В Прокопьевск, – повторил Гуров.

– Это где же такой населенный пункт?

– В Сибири.

– Ну, конечно! – с предельной степенью ироничности произнес Крячко. – Где же ему еще быть, как не в Сибири? Надеюсь, не на самом Крайнем Севере?

– Нет, не на самом. Всего лишь на подходе к нему, – успокоил Гуров.

– И на том спасибо, – церемонно поклонился Крячко. – А теперь у меня будет превеликое разнообразие вопросов...

– Не надо вопросов, – теперь уже скривился Гуров. – Лучше начнем с ответов на них.

– Что ж, можно и так, – согласился Стас. – Тогда ответствуй.

И Гуров стал излагать свой план. Действительно, появляться в Антоновой Балке Крячко сейчас не следует – толку от того и впрямь будет немного. А надо копать под семейство Вороновых. Взять их в лоб не удалось – и местный оперуполномоченный Степан Лежаков, и сам Гуров получили от ворот поворот. Следовательно, надо подобраться к ним с другой стороны. То есть ехать в Прокопьевск и как можно больше узнать об убитом Алексее Пантелееве. Как он жил, с кем водился, а главное – не пересекались ли жизненные пу-

ти убитого Пантелеева и Вороновой Екатерины Борисовны. Они оба родом из Прокопьевска, так неужто не были знакомы? А коль были, то какого рода было знакомство? Чем оно закончилось? А может, оно и продолжалось, коль Алексей Пантелеев разыскал Екатерину Воронову на необъятных российских просторах?

– Тебе все понятно или, может, какие-то моменты ты хотел бы уточнить? – спросил Гуров у Крячко.

– И ехать мне надо немедленно, если не сказать больше, – вместо ответа произнес Крячко. – Просто-таки сию минуту. Или даже – еще вчера...

– Ну, ты же понимаешь, – развел руками Лев Иванович. – Такая у нас работа – всегда выезжать вчера.

– Работа у нас такая, забота у нас такая, и нету других забот... – пропел Станислав. – На своей колымаге я, конечно, туда не доеду, придется лететь на крыльях. А колымагу я оставляю под твоим присмотром.

Тут же, из номера Гурова, позвонили по поводу отлета Крячко в Прокопьевск. Оказалось, что с билетами проблем нет, а вот ближайший рейс – лишь на следующий день после полудня. Решили, что Крячко переночует в этой же гостинице, но снимет отдельный номер. И вообще они, Крячко и Гуров, между собой не знакомы. На всякий случай, мало ли что могло таиться под внешней сонливостью этого заштатного районного центра. Вахитов и Лежаков с Курятниковым – еще не вся полиция. Да и у Воронова могли быть в этом го-

родке свои глаза и уши. Как-никак его супруга была здесь мэром, а у него самого здесь же присутствовали свои коммерческие интересы – местный водочный заводик и, сдаётся, ещё что-то. Так что всякое могло быть... И потому лучше держать в запасе лишний козырь. Козырем этим был старший оперуполномоченный из центра Станислав Крячко. Так сказать, инкогнито из столицы.

В это же самое время Лежаков и Курятников составляли план поиска Мишки Кряка – живого или мертвого. Решено было, что участковый останется в Антоновой Балке на тот случай, если там неожиданно возникнет Мишка. Кроме того, там же, в Антоновой Балке, у Лежакова и Курятникова имелся осведомитель – лучший друг и собутыльник Мишки Виталья Безухий. Так вот, кому он будет докладывать о гипотетическом появлении Мишки Кряка, если ни участкового, ни оперуполномоченного в деревне нет? Ну, а сам Лежаков будет искать Мишку в городе.

После совещания участковый тотчас отбыл в Антонову Балку, а опер Лежаков позвонил по сотовому телефону своему начальнику Вахитову: надо было посовещаться по поводу того, с какого конца начинать поиски Мишки Кряка в городе.

– Алло, Вахит Мажитович! – сказал Лежаков в телефон. – Встретиться бы надо, причем срочно. По поводу убийства в Антоновой Балке... Нет, до завтра откладывать разговор нежелательно. Надо бы сегодня поговорить... Что? Да, конечно. Где? Разумеется, знаю. Уже бегу.

Звонок застал Вахитова на полпути к дому, куда он обычно добирался пешком. Возвращаться в кабинет ему не хотелось, и он назначил настырному Лежакову встречу на ска-

мейке в скверике. Через десять минут оперуполномоченный уже был на месте. Вахитов и Лежаков сели на скамейку.

– Ну и как тебе наш столичный гость? – первым делом спросил Вахитов у Лежакова.

– По-моему, нормальный мужик, – пожал плечами Семен. – Без всяких этаких штучек... – Он неопределенно повертел пальцами в воздухе. – Общается как с равными, пирогами нас угощал.

– Какими пирогами? – не понял Вахитов.

– Бабкиными. Одна деревенская старушка-свидетельница угостила его пирогами, а он угостил меня и Курятникова.

– Хорошие пироги? – улыбнулся Вахитов.

– Хорошие, – улыбнулся и Лежаков. – А еще лучше то, что его, нашего столичного гостя, угостила ими бабушка. Деревенские старушки – народ понимающий и чуткий. Плохого человека они ни за что не стали бы кормить пирогами. Отсюда вывод: полковник Гуров – человек хороший. Положительный.

– Ну и ладно, – сказал Вахитов. – Мне он также показался нормальным мужиком. А теперь говори, что у тебя за дело?

– Да дело-то известное... Что, рассказывать с самого начала?

– Не надо. Полковник Гуров мне уже рассказал о ходе расследования убийства Пантелеева.

– А, так вы уже встречались?

– Да.

– И каковы результаты встречи, если не секрет?

– Не секрет, – прищурился Вахитов. – Между прочим, убитый Пантелеев и наш городской мэр родом из одного города. Из Прокопьевска. Росли, так сказать, в общей атмосфере, и очень может быть, что раньше друг друга знали.

Лежаков залихватски присвистнул, хлопнул в ладоши и сказал:

– Что и требовалось доказать! Просто замечательно! Это наверняка означает, что убитый прибыл из своего Прокопьевска именно к нашему дражайшему мэру! На трепетное, так сказать, свидание. Уж такое трепетное, что через день этого путешественника нашли убитым. И осталось узнать пустяки – какая такая надобность привела его к нам. Думается мне, что здесь-то нам и нужно копать в первую очередь. И начинать наши археологические раскопки нужно в Прокопьевске.

– Да, – сказал Вахитов. – Я тоже так считаю.

– И кто же туда поедет? – с осторожной вкрадчивостью поинтересовался Лежаков.

– Думаю, что не ты, – уразумел смысл вкрадчивости Семена Вахитов. – На тебе отработка другой версии. В общем, ищи этого черта – Мишку Кряка. В живом или мертвом состоянии. И если найдешь его живым, то...

– Это мы понимаем, – усмехнулся Лежаков. – Вытрясу из него всю информацию самыми разными способами. Включая некоторую грубость и оперативное коварство.

– Вот именно. Когда думаешь приступить к поиску?

– Уже приступил. То есть приступили – я и Вася Курятников. Он ищет в деревне, а я намерен перелопатить весь город. А вдруг он здесь...

– Почему ты думаешь, что он может быть в городе? – поинтересовался Вахитов.

– Ну как же... Раздобыл деньги и свалил в город. В деревне разве гульнешь с размахом? А тут у него вроде как маруха имеется, да и без нее в городе есть где развернуться человеку с деньгами. А заимел он денежки, мыслю, такими способами: либо ограбил и убил Леху Пантелеева, либо опять же получил от заказчика денежку за его убийство.

– Заказное убийство? – нахмурился Вахитов. – Это в Антоновой-то Балке, где даже дверей не запирают, потому что там нет даже воров, а не то что убийц!

– Ну, так деревня Антонова Балка располагается не на безлюдном астероиде, – возразил Лежаков. – Она – часть нашего мира, а что такое наш мир, мы с вами распрекрасно знаем. Вот и докатились его веяния до столь благословенного места, как эта деревня... Да ведь и это, возможно, еще не все.

– Знаю, – поморщился Вахитов. – Еще могли убрать и Мишку Кряка, сразу же после выполнения им поручения – убийства Пантелеева. Уж говорено на эту тему и переговорено. Так что лучше не начинай.

– Ну, так повторение одной и той же версии – ключ к

раскрытию всего преступления, – усмехнулся Семен. – Чем больше мы ее повторяем, тем больше, так сказать, тонкостей и всяких нюансов в ней открывается. В результате либо ты ее отбрасываешь как негодную, либо принимаешь как основную. Мне об этом говорили еще в полицейской академии. И жизнь подсказывает, что это утверждение правильное.

– Ты будешь учить меня криминалистике и оперативно-разыскной деятельности? – прищурился Вахитов.

– Не-е, – помотал головой Лежаков, – не буду!

– Тогда докладывай, как ты намерен искать Мишку Кряка.

– Есть у меня здесь одна зацепочка... Та самая маруха. И зовут ее Ленка Гармонистка. Собственно, из-за нее-то я вам и позвонил. Лично мне сей персонаж абсолютно незнаком. Так, может, вы с ней знакомы?

– Ленка Гармонистка... – наморщил лоб Вахитов. – Нет, не припомню... А при чем здесь она?

– Она бывшая пламенная и трепетная любовь Мишки Кряка. Об этом мне поведал его дружок Виталья Безухий. Он же сообщил, что они давно расстались, потому что это же невозможно долго терпеть пьяный характер Мишки Кряка. А вдруг они встретились вновь? Заявился к Ленке Гармонистке Мишка Кряк с кучей денег. Какое женское сердце бестрепетно выдержит такое зрелище? Ну и вспыхнули прежние чувства... И покуда деньги не кончатся, эти самые чувства будут полыхать ярким пламенем. А они, судя по всему, еще не кончились, потому как события в Антоновой Бал-

ке развиваются стремительно. Ведь еще два дня назад Мишка Кряк обретался в деревне и вел себя при этом таинственно и загадочно. Из чего я делаю вывод, что надо бы мне как можно скорее найти эту самую Ленку Гармонистку.

– Кстати, а почему Гармонистка? – спросил Вахитов.

– Виталя Безухий говорил, что, дескать, в былые годы она заведовала каким-то клубом или, может быть, Дворцом культуры. Ну и, соответственно, играла там на гармошке или баяне. Оттого и Гармонистка.

– А дальше – все понятно, – предположил Вахитов. – Не выдержала удовольствий богемной жизни, спилась, ее выгнали...

– Почему вы так думаете? – усомнился Лежаков.

– Ну, так кличка же! Да притом красноречивая. Нормальному человеку такой клички не дадут.

– Наверное, – согласился оперуполномоченный. – И покатила наша Ленка по наклонной и докатилась до самого дна, где и повстречалась с Мишкой Кряком. Что ж, психологический портрет сего персонажа мне ясен. Будем искать.

– Сходи в наше управление культуры, – посоветовал Вахитов. – Если она и вправду работала у них, то наверняка в культурных архивах найдутся ее следы.

– Можно и так, – согласился Лежаков. – Но пойду завтра, потому что сегодня уже поздно. Темнеет уже. А пока поищу ее по своим каналам.

– Что ж, действуй, – не стал возражать Вахитов и поднялся

со скамейки. – Если что, звони.

С тем они и расстались.

Оперуполномоченный Лежаков тут же приступил к поиску следов Мишки. Каналы, по которым Семен собрался искать Кряка, известны каждому сыщику. Хочешь найти какую-нибудь запойную и разгульную личность? Окупись в его среду. Походи по пивным, злачным заведениям и прочим местам, где собирается разгульный элемент, пообщайся с тамошним народом... Только общайся по-умному, со знанием дела и пониманием особенности психологии такого народа, а то ведь и не скажут забулдыги тебе ничего путного. Даже, наоборот, злоумышленно соврут и направят по ложному следу.

Как именно следует общаться с такими личностями, опер Лежаков, конечно же, знал. Этому его учили в академии, такие же премудрости он постигал и на практике, которая, как известно, всегда обучает быстрее и надежнее, чем любая академия. Тут главным было принять верный образ и взять верный тон. Конечно, соваться в злачные места, никак не маскируя того факта, что ты сыщик, было бы в корне неправильно. Ведь неизвестно, кто и что тебе поведаст, если у тебя на лбу написано, что ты – сыщик? Поэтому Лежаков решил принять образ беспечного гуляки, ошивающегося в поисках приключений по городским разгульным заведениям. По сути, он ничем не рисковал. В городе его почти не знали – он большей частью работал по раскрытию преступлений в селах, он не

походил на полицейского, а скорее на своего в доску парня, лексиконом кабацких гуляк владел превосходно.

В общем, напустив на себя залихватский вид, Семен переступил порог ближайшей пивной. Он надеялся завести знакомство с тамошними завсегдатаями, вступить с ними в непринужденный разговор и таким образом напасть на след Мишки Кряка или хотя бы Ленки Гармонистки.

Пивная оказалась самой обыкновенной, как и прочие заведения подобного рода в провинциальном городе. Деревянная стойка в углу, толстая деваха за стойкой, пять или шесть столиков в зале, десяток народу за столиками. Да, еще высоко на стене, почти под самым потолком, подвешен телевизор, он был включен, на экране какие-то размалеванные то ли девицы, то ли парни прыгали и что-то кричали, но на них никто из посетителей не смотрел и никто их не слушал.

Лежаков подошел к стойке и принялся в упор разглядывать толстую деваху, пытаясь определить, как долго она работает в пивной. Если долго, то, стало быть, знает постоянных клиентов и может рассказать Лежакову все, что ему необходимо узнать.

– Чего уставился? – обратила наконец на Лежакова внимание толстая деваха. – Что надо?

– Если говорить по большому счету, то сочувствия и понимания, – Лежаков сделал скорбное лицо. – А если конкретнее, то прикоснуться к сочувственной душе и приникнуть к родному плечу. И вот я думаю: а что, если бы такой душой

и плечом для меня стали бы вы? А чего ж? Я – мужчина при достоинствах...

– Много вас таких – при достоинствах, – ухмыльнулась деваха. – Вон, половина зала. Говори, чего надо? А нет, так бери пиво и отваливай. Не тряси передо мной своими достоинствами.

– Дружка я своего ищу, – тяжело вздохнул Семен. – Дружок у меня потерялся. В загуле он... Главное, калымили вместе, а как гулять – так без Семки. Семка – это я... Может, видели? Отзывается на имя Мишка и еще на кликуху Кряк. Лохматый такой, похожий на медведя или на лесного разбойника. Но добрейшая душа! Может, он посещал ваше заведение? Так вы мне скажите. А я уж вас отблагодарю любым приятным для вас способом.

– Нет, не видела, – равнодушно ответила толстая барменша. – Много вас тут шляется – всяких...

– Может статься, с подругой он у вас был, – продолжал гнуть свою линию Семен Лежаков. – Ленкой подругу звать. Культурная, скажу я вам, дама. На баяне умеет играть.

– Сказала же – не припомню! – отрезала хозяйка. – Пиво заказывать будешь?

– Буду, – ответил Семен. – Наливай. Посижу у вас, поразмышляю, может, мой дружок Мишка случайно сюда завернет.

Барменша ничего не сказала, фыркнула и протянула Лежакову кружку с пивом: бери, мол, и отчаливай.

Честно признаться, пиво Семен не любил. Но куда бы-
ло деваться? Как говорится, назвался груздем... Он проси-
дел за столиком примерно полчаса, честно, чтобы не вызвать
ненужных подозрений, выпил кружку пива и вновь подошел
к толстой барменше.

– Ну? – зыркнула на него толстуха. – Еще пива?

– Нет, – покачал головой Семен. – Что пиво? Так – том-
ление духа. Лично я предпочитаю коньячок, да с хорошей
закуской, да с красивой женщиной... Вот, к примеру, вроде
вас.

Без сомнения, толстуха не раз уже слышала подобные сло-
ва, только, может быть, не столь изысканные.

– Пошел ты! – отмахнулась она. – Много вас, желающих!

– Ну, это чего именно желать, – возразил Семен.

– Всем вам надо одно и то же! – парировала толстуха. –
Сказано тебе – если не хочешь еще купить пива, то отвали!

– Эх! – с горестным видом вздохнул Семен. – Не понима-
ете вы тонких извивов моей души. От этого мне и прискорб-
но, и досадно, и печально. Но что ж поделать? А потому у
меня к вам будет еще одна просьбочка...

– Что еще за просьбочка? – свысока спросила толстая де-
ваха.

– О, – поднял руку Семен, – самая невинная. Можно ска-
зать, деловая. Понимаете, уж очень мне нужен мой дружок
Мишка Кряк. С его ли подругой, без нее ли, мне без разли-
цы. Знаю, шастает он по кабакам, а вот поди угадай, по ка-

ким именно.

– Вот ведь привязался! – разозлилась толстуха. – Ну, чего тебе от меня нужно?

– Самую малость, – кротко проговорил Семен. – Вот как только он в вашем заведении возникнет, так вы уж мне позвоните, ладно? А я вам за это – тысчонку. Вот она, тысчонка, – и Лежаков протянул толстухе купюру.

Та помедлила, покосилась на купюру, затем как бы нехотя ее взяла.

– Ладно, – неохотно произнесла она. – Если замечу твоего дружка, позвоню. Диктуй номер телефона.

Лежаков продиктовал, толстуха записала цифры на салфетке.

– А зовут меня Семен, – сказал Лежаков.

– Слышала уже! Еще что?

– А вас-то как зовут?

– Для чего тебе? – подозрительно глянула на Семена толстуха.

– Ну, как же. Вот, допустим, вы мне будете звонить, а я и не пойму, кто именно мне звонит. А вот если вы при этом назовете свое имя...

– Инна! – заявила деваха.

– Очень приятно, – раскланялся Лежаков. – Ну, так я пойду?

Инна отвернулась от Семена и ничего ему не ответила. Да, в общем, ничего больше Лежакову от нее и не надобно. Кро-

ме, разумеется, звонка на мобильник. А деваха ему позволит, все-таки он заплатил ей наперед тысячу. Если, конечно, Мишка в пивной объявится.

Действуя таким образом, Семен посетил еще две пивнушки и в каждой оставил барменам по тысяче. Если Мишка Кряк жив и если он действительно шляется по питейным местам, то, по теории оперской вероятности, он обязательно, пока у него имеются хоть какие-то деньги, должен завернуть в одно из трех мест, где у Лежакова – осведомители. Ну а дальше, как говорится, дело техники.

Время было уже позднее. «Ну-с, – подумал Лежаков, – хватит с меня ночных подвигов. А уж пива хватит тем более! Пойду-ка я домой да посплю».

Короткой дорогой Семен направился к своему жилищу. И тут зазвонил его мобильник. Лежаков взглянул на дисплей. Оказалось, что звонила толстуха Инна.

– Алло, – сказала она сонным голосом. – Он – здесь. То есть в нашей пивной. Твой дружок. С какой-то бабой. Ты просил позвонить, я позвонила. Все, мы в расчете, – и она отключила связь.

Напрямик Лежаков ринулся к той самой пивной, благо она оказалась не так и далеко. Подбежав к месту и отдышавшись, он нашупал под мышкой пистолет, принял беспечный вид и, стараясь не привлекать к себе внимания, вошел в пивную.

Посетителей было всего девять человек. Толстуха Инна все так же виднелась за стойкой – взъерошенная и сонная. Семен обменялся с нею коротким взглядом и приложил палец к губам: молчи, мол, все разъяснения потом. Он присел к столу и сразу же определил тех, кто его интересовал. В дальнем углу за столиком сидел здоровенный кудрявый мужчина, который и впрямь походил одновременно на медведя и на сказочного лесного разбойника-душегуба. И на Мишку Кряка в том виде, в каком описал его Виталья Безухий. Рядом с ним сидела худенькая, блеклая женщина в дешевой синей кофточке. Перед ними на столе стояли две недопитых кружки с пивом, почти пустая бутылка водки и кое-какая закуска. Мужчина и женщина ничего не ели и не пили, а просто сидели за столом и дремали. Вернее, дремал мужчина, а женщина то и дело его тормошила, брала за руку и что-то тихо ему говорила. Лежаков прислушался.

– Пойдем, – говорила женщина. – Слышишь, пойдем ко мне... Выспишься, отдохнешь. А то мотаемся из одного бара

в другой. Я уже ног не чувствую. Слышишь, пойдём, Миша!

Вот как – Миша. Лежаков напрягся. Значит, Миша... Кряк, которого он разыскивает, – тоже Миша. Выходит, он и есть Мишка Кряк. Неужто капризная фортуна, которая так редко поворачивается к сыщикам лицом и так часто противоположной стороной, вдруг да обернулась к сыщику Семену Лежакову физиономией и даже улыбнулась ему своей коварной, но такой сладкой улыбкой? Неужто он, Семен Лежаков, и впрямь разыскал Мишку Кряка, да притом так быстро, всего за один вечер? Даже не верится.

Так-то оно так, но теперь предстояла другая задача, которая была ещё важнее первой. Мишку Кряка надо было непременно задержать. Но как это сделать? Брать его прямо здесь, в пивнушке? Прямо сказать, это не лучшее решение. Во-первых, пивнушка – место общественное, а значит, могут случиться непредвиденные обстоятельства. Например, вдруг этот здоровяк Мишка задумает оказать сопротивление. В результате завяжется потасовка, а то, может, и самая настоящая драка. Затевать драку Лежаков не хотел. Это только в фильмах драка выглядит красиво: врезал пару раз преступнику, скрутил и надел наручники, а в жизни дело обстоит по-другому. Если бандюга станет оказывать тебе сопротивление, то прости-прощай весь интерьер пивнушки и вся мебель! Семен Лежаков и бандюга, барахтаясь в обнимку, перевернут вверх дном и покрошат всю мебель и посуду! А отвечать – кому? Понятно, что не бандюге, а Лежакову.

К тому же бандюга может оказаться физически сильнее Лежакова, и что тогда? Сунуть ему под нос пистолет? Оно бы, конечно, можно, да что толку? Что пьяному разъяренному человеку пистолет? Да и стрелять Лежаков не станет, потому что нет у него на то никакого основания. Этот Мишка Кряк, или кто бы там ни был, всего лишь подозреваемый, да и то пока неофициальным образом. А может, и того проще – свидетель. А может, даже и не свидетель, а совсем посторонняя личность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.